

авантюрный детектив

Н а т а л ь я
АЛЕКСАНДРОВА

**СНЕЖНАЯ
КОРОЛЕВА**

Наталья Николаевна Александрова

Снежная Королева

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=152846

Александрова Н. Снежная Королева: Нева; СПб., М.:; 2006

ISBN 5-7654-4790-2

Аннотация

Не надо искать приключений они найдут тебя сами, если ты им понравишься! Лера, девушка из провинции, ехала в Москву за счастьем, а теперь имеет все шансы стать королевой мафии. Спасаясь от коварного любовника, она садится в машину к незнакомому мужчине и с этого момента ее жизнь летит в тартарары Жадные наркоторговцы, хитрые цыгане, злобные бандиты жизнь сталкивает ее с опасными, колоритными личностями. Став единственным обладателем информации о тайнике с наркотиками, Лера решает использовать этот шанс по полной и повторить историю знаменитой атаманши контрабандистов Королевы Юга. Она станет Снежной Королевой.

Наталья Александрова

Снежная королева

«Сейчас мне будет плохо», – подумала она, и увидела всю сцену как бы со стороны: она посреди захламленной комнаты, одна и без оружия, а на нее надвигается небритый мужик в рваной рубаше, пахнет от него самым настоящим козлом, и в глазах мутная накипь.

Второй на корточках сидел в углу, среди набросанных пожелтевших газет и пустых бутылок, торчащих из рваного пакета, лениво перебирая струны старенькой гитары, глаза его были абсолютно пусты, золотая фикса зловеще поблескивала во рту. Третий, голый по пояс, торчал у двери, чтобы отрезать ей путь к отступлению, и смеялся бессмысленным пьяным смехом.

«Сейчас мне будет очень плохо», – повторила она про себя. Здравый смысл подсказывал сдаться и перетерпеть. С этим подонком Лешкой она рассчитается позже. Но тут она снова увидела его мерзкую рожу с тупой ухмылкой, и ярость поднялась в душе, как морской прибой – упорно и неотвратимо.

– Перережьте горло мне, перережьте вены,
Только не порв-и-и-ите сере-е-ебряные струны, —

доносилось из угла.

Дура дурная, остолопина, кляла она себя, и понесла же ее нелегкая в эту глушь! Она отступила на полшага назад и чуть не споткнулась о колченогий стул с развороченной обивкой.

Она хотела кричать, но в этом богом забытом углу никто ее не услышит. А если и услышат, то придут, прибегут – посмотреть на увлекательное шоу и поучаствовать.

– Не надо брыкаться, – с угрозой процедил мужик и сделал два решительных шага в ее сторону.

Его руки в наколках угрожающе сжались в кулаки, он весь набычился. Одно слово, герой.

– И верно, детка, – захихикал Лешка, – ну что ты капризничаешь? Подумаешь, дело какое! Тебя не убудет, а мне для друга ничего не жалко!

– Хорошо! – она приняла решение и опустила глаза, чтобы никто не прочитал в них ничего. – Только посторонних зрителей просим удалиться! Тут не театр!

Гитарист поерзал в газетах, не спеша встал и вынес себя из комнаты, аккуратно держа свою гитару, похоже, кроме нее, его ничего в жизни не интересовало.

– А кто это, интересно, посторонний? – пьяно обиделся Лешик. – Тут посторонних нету, верно, Геша?

– Ладно! – Она подняла глаза и шагнула к столу, оказавшись совсем рядом со своим главным противником. Правой рукой взяла со стола недопитую бутылку шампанского, а левой обняла его за шею.

Жаль, мизансцену сейчас не видит ее закадычная подруга

и соседка Ритка – как она тискается с мерзкой полуголой гориллой в каком-то жутком клоповнике.

– Выгони его! – шепнула жарко в самое ухо, прижавшись грудью. – Скорее!

Она едва сдержала тошноту, так пахло от него немытым телом и дезинфекцией от одежды – «Матросской тишиной» от него пахло. Но он клюнул – видно, не отличался ни умом, ни сообразительностью.

– Алексей! – сказал негромко, но твердо. – Шел бы ты наверх да выспался...

Он повернул голову и не следил за ее рукой, в которой зажато было горлышко бутылки. И тогда она огрела его по голове этой бутылкой что было силы. Он не успел отстраниться, реакция у нее всегда было отличная. Она отскочила в сторону, а Геша осел на пол, как мешок с мукой. Или с дерьмом.

– Эй, ты чего? – До Лешки в пьяном виде всегда все трудно доходило.

Он сделал к ней шаг заплетающимися ногами, но она бросила в него табуреткой. Лешик упал со стоном, откатившись от двери, и она рванулась туда, к свободе, чувствуя, что это ее последний шанс. На ходу оглянувшись, на какую-то секунду ей стало жалко его – все-таки бывший любовник как-никак. Всего на одну секунду.

Куртка и сумка висели в сенях на гвоздике – жизнь научила ее в незнакомом доме все складывать в одно место, чтобы потом, если придется удирать второпях, не метаться в

поисках колготок, документов и бюстгальтера. Она рванула на себя тяжелую дверь, и тут, в саду, бросился на нее третий обитатель дома – маленький вертлявый парень.

– Стой, сучка, стой! – крикнул он, но захлебнулся на полуслове.

– А с тобой мы на брудершафт еще не пили! – И она с размаху, от всей души вмазала ему ногой.

Она метила по яйцам, но получилось в живот, потому что парень был карликового роста, метр с кепкой, не поймешь, не то мужик, не то кучу наложили, как говорила соседка тетя Валя в далеком детстве.

Каблук ушел в мягкое. Она успела еще подумать, что если он завязнет, то придется бежать босиком, однако туфля не завязла. Коротышка взвизгнул, как недорезанная свинья, и плюхнулся в крапиву. Путь был свободен.

Она не помнила, как оказалась на шоссе, очевидно, чутье вело ее через перелески и поляны. В лесу она всегда ориентировалась отлично, с семи лет бегала одна по грибы.

Вид потемневшего от мелкого дождика асфальта – признак цивилизации – слегка отрезвил ее и привел в чувство. Машин на шоссе не было, часы показывали без четверти два. Все нормальные люди давно спокойно спят в своих теплых постелях. Она отошла чуть в сторону от дороги и спряталась за кустами, прямо напротив фонаря. Было так тихо, что слышно как падают с деревьев листья. Ее била дрожь в тонкой курточке, ноги промокли в высокой траве.

Бесшумно пролетел джип, и она вжалась в дерево. Эти, на джипе, могут быть еще опаснее, чем те, что остались в деревне. Проехали три фуры. С дальнобойщиками тоже лучше не связываться – используют и выбросят в придорожную канаву. Прошло еще минут двадцать, и она начала паниковать. Не идти же пешком в самом деле, когда до города километров пятьдесят! Эти в деревне очухаются и могут организовать погоню. Лешка, конечно, за руль сесть не в состоянии, но кто знает, может кто-то из троих умеет водить машину? Надо было шины проколоть, да куда уж там, еле ноги унесла, как говорится, спасибо, что живой.

Показалась машина, и она сразу поняла, что с этой ей повезет. Не скрываясь, вышла на шоссе и махнула рукой. Машина сначала проехала мимо, но потом притормозила и задним ходом подъехала к ней. В первый момент это показалось ей подозрительным, сердце нехорошо дернулось. Но нет, вроде бы все не так плохо – скромный «Опель», не понять в темноте какого цвета, в машине только водитель.

– До города довезите, я заплачу! – выпалила она, рванув на себя дверцу.

– Садись! – коротко бросил водитель, окинув ее оценивающим взглядом, в котором не было никакой угрозы.

В салоне стоял типичный запах одинокого мужика – запах неустроенности и пустоты. Она откинулась на спинку сиденья и с шумом выдохнула воздух. Кажется, обошлось. Хотя, что это она? Обойдется, когда она окажется в своей квартире

и закроется на все замки. Тогда можно будет провести спокойно хотя бы половину ночи и завтрашний день. А утром в понедельник начнутся неприятности. Ужас, что сделает с ней Лешик, когда доберется!

Снова ярость, слегка успокоившаяся, пеленой застелила глаза. Сволочь Лешка, мерзавец и дерьмо! И хочется курить. Она поискала в сумке сигареты. Ведь была же пачка, она точно помнит, что покупала сегодня утром и засунула в дальний кармашек про запас. Вытащили, хапуги...

– Закурить есть? – хрипло спросила она водителя.

– Сам не курю и в машине курить не разрешаю, – спокойно сказал он, не поворачивая головы.

Усилием воли она едва обуздала рвавшуюся наружу злость. Для этого понадобилось сжать кулаки так сильно, что в ладонь врезались ногти...

– Сумку назад поставь, – посоветовал водитель, снова не повернув к ней головы.

Подумав, она послушалась, только, как могла незаметно, достала из сумочки защитный баллончик и спрятала его в карман куртки. Вряд ли ей поможет баллончик, но все же спокойнее будет иметь его под рукой. Ничего, даже если этот мужик и не довезет ее до дома, там, в городе, она легко поймает другого ночного бомбиста. Она представила, какое лицо будет у Ритки, когда она ввалится домой среди ночи. Придется ей все рассказать. Ритка начнет ахать и делать круглые глаза, долго и со вкусом рассуждать, какой же Лешка подлец,

а она-то считала, что у них с подружкой все серьезно. И даже, дуреха этакая, предрекала им скорую свадьбу...

Снова ярость поднялась откуда-то из желудка, так что во рту стало горько. Она увидела перед собой пьяную ухмыляющуюся морду Лешика, его жидкие волосенки, прилипшие к потному лбу, его начавший оплывать голый торс... И ведь знала же, что любовничек у нее форменная скотина, но никогда не думала, что до такой степени!

Лет с пятнадцати усвоила она истину, что хороших мужиков не бывает, они бывают плохие и очень плохие. Лешик был просто плохой – все же не бандит, не убийца и не черный, с этими у нее никогда не было и не будет никаких дел. К положительным качествам Лешика можно было отнести то, что он редко напивался до поросычьего визга, и не давал волю рукам. Он, впрочем, пытался, но она его быстро отучила. Все шло у них неплохо, и черт дернул ее согласиться поехать на эту дачу!

Лешка заехал в магазин во время обеда. Покупатель в пятницу валил валом, так что у нее не было даже времени закрыть кассу и сбегать в подвальчик на углу, чтобы поговорить и выпить кофе. Лешик был какой-то встрепанный, сказал, что вернулся его старый друг из отдаленных мест и что они едут к нему повидаться, но что болтать об этом никому не стоит. Она только пожала плечами – знала уже, что Лешик любит приврать, какой он крутой, что сам он никогда не сидел, но всегда намекает на какие-то свои дела с круты-

ми бандитами. Что-то не понравилось ей тогда в Лешкином взгляде, нужно было отговориться болезнью, занятостью – мол, директор магазина заставляет сидеть допоздна, но как раз накануне они поругались с одной бабой из бухгалтерии, а все знали, что она какает директору на продавщиц. И в тот момент она перехватила злорадный взгляд этой бабы. А директор строго-настрого запретил болтать на рабочем месте с парнями. И курить на ступеньках перед магазином тоже запретил – у него приличный магазин, а не забегаловка какая-нибудь.

И она только кивнула Лешику в ответ – поедем, мол, раз зовут, тем более – погода хорошая. Потому что Лешик – это такой тип, которому легче отдаться, чем объяснить, почему не хочешь. Впрочем, все они одинаковы.

Дача оказалась старым деревенским домом, располагающимся на задворках маленькой забытой деревни. Они долго ехали по шоссе, потом свернули на грунтовку, потом долго плутали по проселкам, пока не встретили на полянке бабку с козами. Лешик к тому времени окончательно озверел, по всякому поминая матушку и подвеску. Старуха охотно объяснила им дорогу, присовокупив, что плутали они совершенно зря, что это только на машине долго, а по тропиночке они с козами до шоссе минут за сорок добегают.

Дом выглядел необитаемым. Забор покосился, невымытые окна источали тоску, как выцветшие глаза слепого. Лешик долго сигналил, пока не вышел откуда-то сзади маленький

вертлявый парень без одного переднего зуба и в рваных кроссовках. Он велел перестать сигналить и заезжать во двор. Ворота они с Лешиком открыли с большим трудом – до того вросли в землю.

Участок зарос лебедой и крапивой. Репейники тут же вцепились в новые брюки, она едва не сломала каблук, споткнувшись, и разозлилась на себя и на Лешку – зачем он завез в такую глушь и зачем она согласилась. В горнице, пахнувшей многолетней пылью и мышами, за простым деревянным столом сидели двое. Один – худой, растрепанный мужик с кривым ртом. Трехдневная щетина не могла скрыть мелких шрамов на лице. Он повернулся на скрип двери и малость остолбенел при виде входящих. Она мысленно усмехнулась, привыкла уже к такой реакции. Рост – метр восемьдесят, да еще каблуки, волосы очень светлые, почти белые, до середины спины, глаза цвета голубого льда и такие же холодные.

– Здравствуйте! – сказала она строго и взяла Лешку под руку, чтобы те двое сразу поняли, что она не сама по себе, а с мужчиной. Лешик, однако, тут же освободился и полез к небритому обниматься.

– Знакомьтесь! – торжественно объявил Лешка. – Это Элеонора!

Лицо ее перекошилось от ярости. Ведь тысячу раз просила Лешку не называть ее так! Достаточно в школе натерпелась от глупости родителей! Как ее только не дразнили! «Королевской норкой», потому что фамилия ее Королёва. Просто

«Королевой», когда в шестом классе учительница прочитала им балладу про королеву Элинор. И наконец, в восьмом классе в нее влюбился Митька Золотарев и заметил как-то, что снежинки, падая ей на лицо, никогда не тают. И тогда к ней накрепко прилипла кличка «Снежная Королева». Это было в общем не так плохо, однако имя свое она ненавидела и незнакомым всегда представлялась Лерой. Лешка выкрал как-то у нее из сумочки паспорт и с тех пор называл Элеонорой, когда ему хотелось ее позлить. Сейчас же он просто хотел продемонстрировать старому другу, какая у него классная телка.

Далее был извлечен из багажника ящик водки, кое-какая закуска, и началась пьянка. Она злилась на Лешку – зачем привез в типично мужскую компанию, ей здесь совершенно нечего делать. Все, пора браться за ум и искать себе нормального мужика – вот прямо с завтрашнего утра и начнет.

Держалась в тени, пила мало и мечтала только дотянуть кое-как до утра, а там уж она уговорит Лешку уехать пораньше. Геша пил стакан за стаканом, внешне не пьянея, только глаза его, и без того нечистые, покрывались серой мутью. Гитарист пел, не уставая. Песни все были со слезливым блатным надрывом, про несчастную любовь и про зону, про встречи и расставанья, про трудную бандитскую судьбу. Изредка Геша ставил перед ним граненую стопочку, клал ладонь на струны и говорил ласково: «Петюня, выпей!» Гитарист аккуратно опрокидывал в рот стопку, заедал хрустящим

огурцом и снова принимался за свое. Песни все были похожи одна на другую, так что хотелось его выключить, как радио.

Время шло, водка не кончалась. Пару раз она выходила покурить на воздух. Но в запущенном саду не было дорожек, да к тому же там ошивался тот маленький вертлявый типчик, что открывал им ворота, его почему-то к столу не позвали.

Вернувшись, она поняла, что речь шла о ней. Лешик глядел масляными глазками, Петюня выводил негромко:

– Помню двор, занесенный белым снегом пушистым,
Ты стояла у дверцы голубого такси.
У тебя на ресницах серебрились снежинки,
Взгляд, усталый, но нежный говорил о любви...

Она усмехнулась тихонько. Отчего-то у всех мужиков ее вид вызывал в памяти зиму и снег. Лешик притащился за ней на кухню.

– Лапочка, – заныл он, – ну что ты такая хмурая? Ну пойдем со мной наверх...

– Да отстань ты! – Уж она-то знала, что Лешик, когда выпьет, ни на что не годен.

Однако он не хотел признавать очевидного и обиделся. Снова они пили, а гитарист снова переключился – на этот раз на Высоцкого. Что-то про привередливых коней и баню по-черному.

И вот, когда Лешка уже дошел до кондиции и она подумывала, как бы половчее уложить его спать, этот паразит за-

думал подлость.

– Не хочешь со мной, пойдешь с ним! – заявил он, пьяно усмехаясь. – Геша, бери ее!

Тот-то был не настолько пьян, чтобы ничего не соображать, тот-то прекрасно знал, что делает. Зато и получил. Пусть на будущее знает – она не подстилка какая-нибудь!

Она удовлетворенно хмыкнула и потянулась. Жаль все-таки, что нет сигареты!

– Очухалась? – спросил водитель без улыбки. – Приди в себя, мало ли что ночью в дороге может быть...

Что он имеет в виду? Она почувствовала странное беспокойство и покосилась на водителя. Только теперь она как следует его разглядела. С первого взгляда он показался ей невзрачным лысоватым мужиком средних лет, скучным и неопасным владельцем шести пригородных соток. Только теперь она заметила крепкую шею, широкие плечи, жилистые руки на руле. И напряженный, внимательный взгляд...

Чего он боится? Да, ночью, конечно, ездить опасно. Неужели она так похожа на киллершу, которая специализируется на одиноких неприкаянных водителях? Она причесалась и вытерла лицо салфеткой, наредила губы темно-розовой помадой, застегнула куртку.

– Тебя как звать-то? – буркнул водитель, причем даже не делал вид, что ему интересен ответ.

– Лерой, – так же равнодушно бросила она в ответ.

– Лера-Валера... – он включил радио, тот самый «Русский

шансон», который осточертел ей за нынешнюю ночь.

– Выключи! – взмолилась она, и он не стал спорить.

Машина шла ровно, на хорошей скорости, мимо проносились едва освещенные деревни. Застражили у переезда, пережидая товарняк, груженные черные вагоны лениво переваливались на рельсах.

– Теперь уже скоро, – сказал водитель и быстро провел рукой по волосам.

Что-то в его голосе заставило ее насторожиться. Водитель менялся прямо на глазах, словно змея, сбрасывающая старую высохшую кожу. Он весь вибрировал от нарастающего напряжения, словно охотник, заметивший дичь, или зверь, почувствовавший приближение охотника.

«Ох, не ошиблась ли я машиной!» – подумала Лера, невольно отодвинулась подальше от водителя и сжала в кулаке свой баллончик. Сердце снова неприятно сжалось в груди. Водитель, казалось, о ней и не думал, полностью сосредоточившись на темной дороге, плывущей навстречу в неверном свете фар.

Справа возник ярко освещенный аквариум бензозаправки. Водитель сбросил газ, повернул руль и притормозил. Внезапно он всем телом повернулся к пассажирке и проговорил низким, глубоким голосом, сильно растягивая слова:

– Ну-ка, сходи, купи бутылку пепси! – и после паузы: – Не хочу, понимаешь, из машины выходить!

– Сам, что ли, не можешь? – привычно огрызнулась Лера,

но в действительности даже обрадовалась возможности хоть ненадолго избавиться от этого пугающего соседства. А если он хочет ее тут бросить, то и наплевать, барахло только свое забрать надо.

– Не бойся, не уеду! – сказал он, будто прочитав ее мысли.

И то верно, тогда бы вообще в машину не посадил. Она потянулась к ручке двери, но водитель остановил ее:

– Сумку возьми! – и он бросил ей на колени красную матерчатую сумку с яркой надписью «Neo».

– Да я в руках донесу... – проговорила она, но мужчина мрачно взглянул на нее из-под клочковатых бровей и повторил:

– Говорят тебе – возьми!

Охота спорить с ним тут же пропала. Лера взяла сумку и выскользнула из машины. Водитель вслед ей вполголоса фальшиво пропел:

– Сам я вятский уроженец...

Она дернула плечом, как будто хотела сбросить что-то неприятное, например, паутину, приставшую в лесу, потом, не оглянувшись, толкнула прозрачную дверь магазинчика и вошла внутрь.

Сначала ей показалось, что в магазине никого нет. Только пройдя между полками с разноцветными бутылками и яркими коробками, Лера заметила продавца, который сидел позади кассы, подперев подбородок сложенными ладонями, и следил за ней прищуренными глазами, как сытый кот за мы-

шью.

– У тебя весь магазин вынести можно... – проворчала она, вытаскивая кошелек. – Бутылку пепси!

– Возьми сама, – промурлыкал продавец, переводя взгляд на яркую сумку.

Лера взяла с полки литровую бутылку, положила ее в сумку, рассчиталась и пошла обратно, чувствуя спиной внимательный, заинтересованный взгляд. Она заставила себя не оборачиваться, однако взгляд продавца так и буравил спину. Немного не доходя до двери, она споткнулась и едва не выронила бутылку.

Захлопнув за собой стеклянную дверь, Лера поспешно пересекла ярко освещенную площадку и приблизилась к серому «Опелю». Только теперь она заметила, что водитель поставил свою машину в тени, так что со стороны магазина или заправки ее невозможно было заметить. Он ждал ее, приоткрыв дверь и настороженно сверкая в темноте зрачками.

– Ну что?

– Да ничего, – Лера пожала плечами и протянула ему сумку, – вот твоя пепси-кола...

– Никто не подошел?

– А кто должен был подойти? – Лера взглянула на него с подозрением и снова почувствовала смутное беспокойство.

Водитель нравился ей все меньше, и она даже подумала, не остаться ли на заправке, но что здесь делать до утра? И продавец тоже какой-то странный. И там плохо, и здесь не

слава богу.

– Черт! – прошипел водитель сквозь сжатые зубы.

– Ты же сам сказал – пепси-колу! – раздраженно проговорила Лера.

– Да нет, я не тебе... все нормально, садись... – он подвинулся, освобождая ей место, и вполголоса пропел:

– ...Много горького видал...

Она села на свое место, прикрыла глаза и попробовала успокоиться. Но напряжение не отпускало ее, чувство опасности заставляло дрожать каждый нерв. Она потянулась за своей сумкой, чтобы выйти из машины, повинуясь инстинкту, но заметила, что продавец стоит в дверях и глядит в их сторону. Нехорошо и пристально глядит. Нет, нужно отсюда уезжать скорее, чего он ждет?

Водитель вытащил из кармана мобильный телефон, потыкал в кнопочки толстым пальцем, послушал. Не дождавшись ответа, снова негромко чертыхнулся и спрятал мобильник.

«Опель» выехал со стоянки и снова заскользил по ночному шоссе, шелестя шинами и отматывая километры темноты.

Ровное, убаюкивающее покачивание машины понемногу успокаивало Леру, и она уже начала задремывать, но вдруг вздрогнула, как от внезапного окрика, и широко открыла глаза.

В мозгу вибрировал сигнал тревоги, однако в машине ничего не изменилось. Только взглянув в зеркало заднего вида,

она увидела позади огни следующей за «Опелем» машины. Она скосила глаза на водителя и поняла, что не ошиблась: все дело именно в этих огнях. Он еще больше подобрался, сжал руль и пригнулся к лобовому стеклу. На его виске пульсировала ветвистая синеватая жилка.

– Всю Россию я проехал... – пробормотал он, уже не пытаясь следовать мелодии. – Вот и приехал...

Он выжимал из мотора все что возможно, и старенький «Опелек» летел по шоссе, как стрела, но огни в зеркале несколько не удалялись.

– Это что же они – за нами гонятся? – проговорила Лера, опасливо глядя на приближающиеся огни, хотя и так все было ясно. В ней проснулось отчетливое, древнее знание настоящей, нешуточной опасности. Ситуации, когда смерть дышит прямо в затылок.

– Нет, так просто катаются! – Водитель еще глубже вдавил педаль газа, и расстояние между ними и преследователями немного увеличилось.

– А чего им надо?

– Вот ты их и спроси! – прошипел водила и бросил такой взгляд, что ей моментально расхотелось продолжать расспросы.

Что уж тут спрашивать, когда ясно, что снова она попала в передрагу. Причем настоящую, серьезную передрагу. Что за ночка такая выдалась? Она покрепче сжала в кармане баллончик.

Огни в зеркале еще немного удалились, но водитель был все так же напряжен.

Шоссе сделало резкий поворот, «Опель» плавно вписался в него, и впереди, совсем близко, в свете фар показалось брошенное поперек дороги дерево. Водитель выругался, вдавил педаль тормоза и со страшным скрежетом остановился перед самым препятствием. Все, что было дальше, происходило словно в страшном сне.

– Беги! – крикнул он и распахнул дверцу со своей стороны салона. – Беги, девка, что есть мочи!

Леру не пришлось долго уговаривать. Этой ночью она, кажется, только и делала, что убегала, и тело действовало теперь само, на каких-то проснувшихся первобытных рефлексах. Она плечом толкнула дверцу, выкатилась из машины и побежала к лесу. Только провалившись по щиколотку в мягкую почву и поравнявшись с первыми деревьями, она остановилась, почувствовав шершавую прохладную кору под рукой, и обернулась.

На шоссе, вплотную к серому «Опелю», стояла черная «БМВ». Из нее выпрыгнули на дорогу двое смуглых молодых парней в кожаных куртках, третий остался за рулем. Тут же из-за брошенного «Опеля» гулко полыхнуло огнем, секундой позже докатился грохот выстрела. Один из бандитов схватился за плечо, второй выхватил из-за пазухи пистолет и начал раз за разом стрелять в темноту. Раненый привалился к «БМВ» и тоже начал стрелять. Водитель выбрался наружу,

пригнулся и бросился в обход. Через минуту выстрелы прекратились, из темноты показался Лерин попутчик. Он шел, сильно хромя и покачиваясь, лицо и одежда были залиты кровью. Следом за ним кошачьей походкой двигался водитель «бумера» с пистолетом в руке.

– Ну что, отбегался? – проговорил второй бандит, шагнув навстречу противнику, – Ты что же, козел, думал, от нас уйдешь?

Он ленивым, почти незаметным движением выбросил руку, и водитель «Опеля» отлетел в сторону и растянулся на асфальте. Хрипло выдохнув и выплюнув сгусток крови, попытался встать на ноги, но бандит ударил его в лицо ногой, переступил и прошипел:

– Где груз, падла? Имей в виду, мы тебе легко сдохнуть не позволим! Мы тебе все внутренности зубами вырвем!

– Пусти меня, Махмуд! – Отпихнув напарника, к водителю подскочил раненый бандит и почти в упор выстрелил в него.

– Ты что же, кретин, делаешь? – Махмуд схватил напарника за воротник и оттащил в сторону. – Он же сдохнет, и мы груз не найдем!

– Да ничего ему не сделается! А нет, так сами возьмем! Драндулет его по винтику разберем!

Пока бандиты препирались между собой, водитель «Опеля», хрипло дыша, поднялся на ноги и, вытянув вперед правую руку, проревел:

– Молитесь, гады! Щас к своему Магомету отправитесь!

– Махмуд, у него граната! – неожиданно высоким голосом выкрикнул раненый бандит и зайцем прыгнул в сторону. В ту же секунду ночь озарила ослепительная вспышка, тяжело прогрохотал взрыв.

Лера, которая до этого стояла, не в силах пошевелиться, и как зачарованная следила за происходящим, развернулась и, не разбирая дороги, бросилась в лес. Она спотыкалась, падала, снова поднималась, ноги увязали в глубокой грязи, ветки деревьев царапали лицо и руки, но она не могла остановиться. Она чувствовала себя дичью, убегаящей от погони, загнанным зверем. Кровь пульсировала в висках глухой барабанной дробью, барабанной дробью судьбы и смерти.

Так она бежала очень долго – или ей только казалось, что долго, и вдруг впереди замаячил неровный, мерцающий свет. Она сделала еще несколько шагов... и выскочила на шоссе в том же самом месте, откуда начала бегство. Ночной лес сыграл с ней жестокую шутку, она, как белка в колесе, бежала по кругу.

Перед ней догорали обломки черного «бумера», около него вповалку валялись искалеченные тела бандитов.

Чтобы не закричать, она зажала себе рот рукой и мысленно приказала себе: спокойно. Спокойствие и быстрота – вот все, что понадобится ей в ближайшее время. Серый «Опель», как ни странно, был совершенно цел, только пара пулевых отверстий виднелась в багажнике и в левом крыле.

Она бочком двинулась к нему, не сводя глаз с груды дымящихся трупов. Отдельно, в паре метров от них, валялась оторванная нога в дорогом замшевом ботинке, измазанном кровью. Лера почувствовала рвотный позыв, но кое-как справилась с ним. Сейчас не время проявлять человеческие слабости, надо ноги уносить.

Она открыла дверцу «Опеля» и увидела его водителя. Мужик был жив, он хрипло, натужно дышал и пытался трясущейся простреленной рукой повернуть ключ в зажигании. Лицо его превратилось в одну сплошную рану, из которой выглядывал левый глаз. На месте правого зияла черная, пульсирующая дыра.

Спокойно. Без паники.

– Надо... надо мотать отсюда... – прохрипел он, снова пытаясь завести машину.

– Тоже мне, Америку открыл!

– Скоро Аббас приедет... – продолжил мужчина, не обратив внимания на ее реплику.

Лера не знала, кто такой Аббас, и не хотела знать, но в голосе умирающего человека был такой страх, что она сразу и безоговорочно поверила ему. Впрочем, она и не собиралась задерживаться в этом страшном месте, у нее сегодня другие планы. Отодвинув мужчину, забралась на водительское место, уверенно повернула ключ. Мотор ровно, убедительно заработал. Она подумала, не выкинуть ли раненого на дорогу, к остальным телам, но что-то ее удержало – не

сочувствие, не жалость, а подсознательная уверенность, что он ей еще пригодится. В таких условиях волей-неволей приходится быть такой сукой – но ведь иначе не выживешь, утешала она себя.

Она выжала сцепление и медленно тронулась на первой передаче, объезжая трупы и горящий бумер. Прямо перед ней снова оказалась оторванная нога. Она проехала по ней и услышала, как под колесом хрустнула кость. На этот раз не удалось справиться с тошнотой, и ее вырвало прямо под ноги. Попутчик дернулся на своем месте, но глаз не открыл.

Она молила судьбу только об одном: только бы не встретился не в меру ретивый гаишник, которому не спится ночью. От каждой встречной машины сердце глухо ухало вниз. Чтобы не дрожали руки, она вцепилась в руль как могла крепко. Соленый пот заливал глаза, и не было времени его вытереть.

Через полчаса она осознала, что едет по ночному шоссе в обратную от города сторону, выжимая из старого «Опеля» все, на что он способен. Хозяин машины затих, и она уже подумала, что он умер, как вдруг он шевельнулся и довольно отчетливо проговорил:

– Сейчас сверни налево... там будет грунтовка...

В первый момент она решила, что он бредит, но слева от шоссе действительно отходила широкая грунтовая дорога, и она повернула руль, прежде чем поняла, зачем это делает. Только через минуту, сбросив скорость и трясясь на ухабах,

она осознала, что здесь, на проселке, может избежать встречи с таинственным и явно опасным Аббасом. И вообще, от «Опеля» нужно как можно скорее избавляться.

– Сейчас... свернешь направо... – сквозь зубы, с трудом выговаривая слова, произнес ее попутчик. Трясая, неровная дорога выжимала из него последние капли жизни, и он из последних сил пытался удержать ускользающее сознание.

Вправо уходил заросший пожухлой травой проселок. Она не раздумывая свернула на него, и через несколько минут впереди из темноты выступили очертания большого сарая. Въехав в распахнутые покосившиеся ворота, она заглушила мотор и повернулась к своему полуживому попутчику.

– Ты живой еще? – спросила с чисто житейским интересом.

– Пока да, – прохрипел тот, – но ты не волнуйся, это ненадолго. Возьми... возьми чемодан... а главное – бумагу в бардачке... не хочу, чтобы им это досталось.

Лера снова подумала, что он бредит, но его спокойное, мужественное отношение к собственной смерти произвело на нее впечатление, и она, перегнувшись назад, достала из автомобильной аптечки бинт и вату.

– Сейчас... – проговорила, разрывая упаковку. – Сейчас я тебя перевяжу... Ничего, оклемаешься!

– Перевяжешь? – Мужчина хрипло засмеялся, и из его горла брызнула темная кровь. Он закашлялся, прикрыл единственный глаз и едва слышно прошептал:

– Все, абзац, отбежался Затвор! Никакие перевязки мне не помогут. Говорю тебе, возьми бумагу и сваливай отсюда, пока Аббас тебя не нашел! Только прошу... из этих денег помоги Аньке! Запомни – Анна Сенько... Тополевая десять, шестая квартира... помоги Аньке, слышишь! Не то с того света тебя найду!

– Из каких таких денег? – проворчала Лера, наклонившись над раненым и прикидывая, как перевязать его лицо, которое все было одна сплошная рана.

Вырвать ее уже не вырвет – нечем. Надо помочь ему. Он попытался что-то ответить, но закашлялся, из горла снова брызнула кровь, окропив ей щеку, он судорожно дернулся и вдруг обмяк, как будто разом успокоился.

– Ты живой? – опасно проговорила Лера, немного отстранившись, чтобы еще больше не перепачкаться кровью. Тут она увидела его единственный широко открытый глаз и поняла, что задавать вопросы бесполезно. Этот глаз смотрел на нее уже с другой стороны, с того берега, откуда не возвращаются.

– Чтоб тебя... – пробормотала она, задом выбираясь из машины. – Чтоб вас всех! Достали вы меня со своими разборками!

Она зло всхлипнула, полезла в карман за сигаретами и вспомнила, что их нету. В сумке она уже смотрела, но, может, завалилась в кармашке хотя бы одна? Курить хотелось невероятно, и, преодолев накатывающую дурноту, она рас-

пахнула дверцу машины – не хватало воздуха. В салоне во- няло потом, рвотой и кровью. И еще пахло смертью. Она за- держала дыхание и оглядела заднее сиденье. Сумки там не было. Не было ее и на полу под сиденьем.

– Господи помилуй! – вслух сказала она. – Да ведь она выпала на дорогу, когда эти уроды убивали друг друга!

Слова, сказанные вслух, прозвучали удивительно страш- но в ночном лесу. Теперь те люди, которые приедут на место разборки, найдут ее сумку и узнают, что в «Опеле» кроме водителя была женщина.

Она стала вспоминать, что такого было у нее в сумке. Ни- каких документов там не было, это точно. Смена белья, теп- лый свитер, косметичка, а в ней – обычные бабские штучки. Обычные безликие мелочи. Никаких записей. Еще ключи от квартиры, но на них ведь тоже не написано, какой адрес.

От сердца немного отлегло. Тут она заметила, что коврик сбился, и нащупала в углублении пола кожаный чемоданчик. Вспомнив слова покойника, потянула чемодан на себя, выта- щила его из машины. Чемоданчик был дорогой, хорошей ко- жи, с кодовым замком. Эта вещь плохо подходила убитому, была для него слишком дорогой и красивой. Оглядевшись, не нашла ничего, чем можно было бы открыть замок, и суну- ла руку в бардачок. Там ей в первую очередь попалась в руки сложенная в несколько раз плотная желтая бумага. Вспом- нив последние слова мертвеца, она сунула бумагу за пазуху, порылась в бардачке и нашла там складной нож с широким

прочным лезвием. Этим ножом в два счета сорвала кодовый замок и открыла чемоданчик.

Внутри лежали плотные пакеты с белоснежным порошком. Сердце подпрыгнуло и ухнуло куда-то вниз.

– Вот блин! – проговорила она, тупо уставившись на содержимое пакетов. – Белая леди! Стекло! Героин! Только этого мне не хватало! Ну и ночка выдалась! Нет, будем считать, что я ничего не видела!

Она торопливо захлопнула чемоданчик, засунула его обратно под сиденье, бросила сверху желтую бумагу из бардачка, прикрыла все ковриком и, машинально хлопнув дверцей машины, выскочила из сарая.

Небо на востоке начало понемногу розоветь, и какая-то ранняя пичуга уже выводила свою нехитрую песенку. Нормальные птицы на юг осенью улетают, а эта петля настроилась!

Рядом с развалюхой, окруженной ярко-желтыми кленами, оказался круглый глубокий пруд с неподвижной черной водой. Внезапно она представила мертвеца на сиденье машины и, еще не осознав, что собирается делать, шагнула обратно. Распахнув дверцы «Опеля», подхватила мертвеца под мышки и выволокла из сарая. Она и сама не понимала, для чего все это делает. С трудом дотащила до берега, здесь на глаза ей попались несколько крупных булыжников. Набив камнями карманы трупя, столкнула его в воду. Темная вода глухо булькнула и сомкнулась над ним.

Это последнее усилие отняло все силы. Она была мокрая от пота вся, от шеи до пяток. Такое впечатление, что выкупалась в прокисшем борще. Или в дерьме, так, пожалуй, вернее.

Наклонившись над темной водой, она смыла с лица и одежды чужую кровь.

На какое-то время она утратила чувство реальности и пришла в себя только в нескольких километрах от сарая с брошенным «Опелем», шагая по проселочной дороге. Под ногами громко шуршали красные, желтые, оранжевые листья. Уже окончательно рассвело, и издали раздавался приближающийся звук мотора. Она хотела было спрятаться в придорожных кустах, но внезапно ее охватила какая-то апатия, она словно дошла до некой мертвой точки. Стало совершенно все равно, что будет дальше. Убьют? Ну и пусть! Событий прошедшей ночи вполне хватило бы, чтобы сойти с катушек. В мозгу что-то заклинило, и теперь она ничего не боялась.

Из-за поворота дороги показался допотопный львовский автобус. Она замахала руками, автобус остановился. Внутри было тепло, и мрачные мужики в кирзовых сапогах и замурзанных ватниках разглядывали ее, как инопланетянку.

Она и вправду производила впечатление неземной – высокая, с длинными белыми волосами и очень бледным лицом.

«Запомнят? – спросила она себя. – А, все равно, если и

запомнят, то никому не расскажут...»

И она в изнеможении закрыла глаза, вытянула с наслаждением ноги и задремала под мерный шум двигателя.

До дома она добралась без приключений.

Поднявшись на четвертый этаж, позвонила тихонько.

Конечно, еще очень рано и Ритка, разумеется, спит как убитая, но Лере, честно говоря, было на это совершенно наплевать. Ключей у нее не было, они остались в потерянной сумке, а ей сейчас хотелось одного – забраться под горячий душ и стоять под ним несколько часов, пока обжигающие струи не смоют весь ужас прошедшей ночи.

Она звонила раз за разом, но подруга и не думала открывать.

– Черт, утащилась, что ли, куда-то? – пробормотала Лера, еще раз надавив на кнопку звонка. – Вроде ведь не собиралась...

Она застонала и привалилась к двери. Что же делать? Как попасть домой?

И вдруг дверь чуть заметно подалась.

Она не была заперта.

Что за черт? Не в такое время мы живем, чтобы оставлять двери открытыми!

Она потянула ручку и вошла в темную прихожую. Пугаться уже не было сил.

В квартире пахло чем-то сладковатым, удивительно

неприятным и пугающим. И вместе с тем знакомым. Лера шагнула вперед, споткнулась о Риткины сапоги, еще какую-то обувь, негромко чертыхнулась и протянула руку к выключателю. Вспыхнувший свет на секунду ослепил ее.

В прихожей словно только что промчался тропический ураган или пробежало целое стадо слонов: одежда и обувь валялись кучей на полу, на самом видном месте красовалась новая Лерина куртка, и на ней виднелся отчетливый отпечаток грязного мужского ботинка.

– Что за черт, – Лера раздраженно втянула воздух сквозь зубы и крикнула:

– Ритка! Чертова кукла! Что тут у тебя творится? Ты что – напилась, что ли?

Никакого ответа не последовало. Тишина. Закрыв за собой дверь квартиры и торопливо накинув крючок, Лера перешагнула через груды одежды и толкнула дверь Ритиной комнаты.

Здесь царил беспорядок почище, чем в коридоре: постель сброшена на пол, простыни скомканы и разорваны, пол усыпан разорванными фотографиями, осколками стекла и фарфора. В этих фарфоровых осколках Лера узнала любимую Ритину статуэтку – китайскую собачку, которая всегда стояла у подруги на полке.

Убедившись, что в комнате никого нет, Лера снова выбежала в коридор, заглянула в свою комнату. Здесь было то же самое – полный погром. Схватившись за голову, она броси-

лась на кухню. Уже ничуть не удивляясь, разглядела вывернутые на пол шкафчики, рассыпанные по полу крупы, кофе, сахар, битую посуду... и всюду этот запах, отвратительно сладковатый и странно знакомый!

Осталось заглянуть только в ванную.

Лера распахнула дверь ванной комнаты и замерла на пороге.

Вот откуда так страшно, так одуряющее пахло. Здесь этот запах был так силен, что у нее закружилась голова.

Занавеска была задернута, но за ней что-то было. Что-то или кто-то.

Руки у Леры тряслись, и она не могла заставить себя отдернуть занавеску. Казалось, если она это сделает, произойдет что-то ужасное, что-то непоправимое.

Лучше уйти, закрыть за собой дверь... И никогда сюда больше не возвращаться.

Однако это было необходимо.

Она дернула занавеску и привалилась к притолоке, чтобы удержаться на ногах.

В первый момент она даже не поняла, что лежит в ванне.

Это не было человеком. Во всяком случае, это не было ее подругой, не было Риткой, с которой они вместе выкурили целый вагон сигарет, съели не один пуд соли, с которой тысячу раз ссорились и снова мирились, которая знала все ее маленькие и большие секреты.

Это было кровавое месиво, в котором едва угадывались

человеческие черты.

Держась за косяк ванной, Лера закрыла глаза, досчитала до десяти и снова открыла их. Ничего не изменилось. Ванная комната накренилась, как палуба корабля в шторм, и ее организм затрясли рвотные спазмы. После этого стало чуть легче. Вот и хорошо. Лера умыла лицо холодной водой, потом сильной струей из душа смыла кровь с мертвой подруги и заставила себя рассмотреть ее. Еще немного, и она может устраиваться на работу в морг, мрачно попыталась она про себя пошутить. Она знала по опыту: только трезвый взгляд на происходящее и здоровый цинизм помогут ей выпутаться.

Ясно было одно: Риту пытали, прежде чем убить. Ее руки были испещрены ожогами. Маленькими круглыми ожогами, которые может оставить на теле горящая сигарета. Рот ее был заклеен скотчем – чтобы не кричала.

Бедная девочка. Бедная, несчастная Ритка, а она так хотела жить! Ее пытали, а потом долго и страшно убивали.

Что они хотели от нее узнать? – спросила себя Лера, и тут же ответила себе: подругу расспрашивали обо мне. Теперь они знают обо мне все: где работаю, во что одеваюсь, какие сигареты курю... Кстати, курить хотелось отчаянно.

Они знают все, и узнали все очень быстро, потому что такие пытки никто не вынесет. А если продолжали мучить Ритку – то только потому, что это доставляет им удовольствие. Потому, что они уроды, извращенцы, садисты.

Стараясь не шуметь, она прошла в Риткину комнату и на-

шла у нее в тумбочке дешевые сигареты без фильтра.

«Быстро же они успели, – думала она, вдыхая горький дым, – и как только отыскали?»

И тут ее осенило, что в сумке ведь был мобильник. Он разрядился, и она запихнула его подальше. Но, имея мобильник, не так трудно выяснить его владельца. И из-за этого убили Ритку!..

Она обхватила руками голову и застонала – не так-то просто оставаться холодной и расчетливой, когда лишаешься единственной подруги! Сигарета догорела и обожгла губы. Боль привела ее в себя. Она оглядела разоренную комнату и машинально подняла еще одну фарфоровую собачку. Глупая Ритка собирала фарфоровые фигурки, искусственные цветы, меховые игрушки. Еще всерьез верила, что когда-нибудь перед ней на дороге остановится «Мерседес», из него выйдет красавец с обложки глянцевого журнала и возьмет Ритку замуж. А она учила Ритку жизни, и они спорили до хрипоты и обид, и пили чай, и ели дешевые конфеты, которые покупали по очереди.

Она увидела, что на фарфоровую собачку капают слезы, и поняла, что плачет по Ритке. Нужно убираться из этой квартиры, потому что они вернутся. Обязательно вернутся.

Она осторожно выглянула во двор. На первый взгляд ничего необычного, у подъезда две машины, обе знакомые. Дворничиха метет дорожку, мусоровоз проехал, ушастую собачку-терьера вывели на прогулку... Все такое привычное,

спокойное...

Она наскоро побросала в сумку кое-какие вещи, переоделась в джинсы и свитер. Зашвырнула обляпанную грязью туфли в угол. Никаких каблуков, только удобные ботинки. Теперь ей придется много бегать. Туго сколола волосы и надела Риткину утепленную куртку с капюшоном, чтобы надвинуть его на лицо – подруге куртка больше не понадобится, а ей пригодится. Сунулась в укромное место за деньгами и, разумеется, ничего там не нашла – в процессе погрома эти сволочи денежки прибрали. Хорошо, что паспорт третьего дня провалился в щель между ящиками, они его не нашли. Лера сунула паспорт в потайной карман джинсов, вложив в него единственную столларовую бумажку. В кошельке еще было тысячи полторы. С такими деньгами далеко не убежишь, даже на дорогу не хватит. У кого достать денег? Знакомых девчонок вмешивать не хотелось, хватит того, что Ритка на ее совести. Да и денег у них нету.

Лешка! – осенило ее. – Нужно идти к Лешке. Конечно, он скотина и подлец и собирался подложить ее под своего дружка-обезьяну но сейчас их ссора кажется далекой и неважной. Главное – это ей как можно быстрее убраться из города и пересидеть в тихом месте. А где – она не скажет никому, уж Лешке тем более. Денег он даст, пусть только попробует не дать!

Она тихонько прикрыла за собой дверь, спустилась по лестнице, не дожидаясь лифта, проскочила пулей несколь-

ко темных дворов и хитрых переулков и пошла по улице, не убустря шагов и не оглядываясь.

«Сейчас их здесь нету, – уговаривала она себя, – если бы были, давно бы меня схватили и увезли. Или оставили бы засаду там, в квартире. Странно, что они этого не сделали, тогда птичка сама пришла бы к ним в руки. Им оставалось бы только захлопнуть клетку. Очевидно, они посчитали меня умнее, чем я есть...»

Навстречу шел смуглый парень в черной кожаной куртке и вязаной шапочке, надвинутой на глаза. Поравнявшись, они столкнулись взглядами, поскольку были одного роста. В глазах парня не было никакой угрозы, одна наглость, но она не выдержала и оглянулась. Парень спокойно шел по своим делам, он и думать о ней забыл!

«Так нельзя, – думала она, – если шарахаться от каждого черного, только привлечешь к себе внимание. Вон их сколько на улице!»

Действительно, на углу торговал фруктами мужчина южного типа. Двое смуглых парней вынесли из подъезда мешок со строительным мусором. Еще одно «лицо кавказской национальности» отиралось у ларька с сигаретами и отвлекало продавщицу от работы. Она понимала, что эти ей не опасны, однако казалось, что все они смотрят подозрительно – и мужик с фруктами скосил глаза, и парни бросили вдруг мешок и замахали кому-то, крича по-своему, а тот, с сигаретами, так и вовсе сиганул куда-то вдруг, как заяц. Да, верно гово-

рят, у страха глаза велики, усмехнулась она про себя, стараясь успокоиться.

Она остановилась у перехода, поджидая маршрутку, и тут из проезжей машины на ходу выскочил мужчина в черном пальто и побежал к ней. Она шарахнулась в сторону, прикидывая, как бы заорать погромче и двинуть преследователя посильнее, тогда может удастся привлечь внимание прохожих, но мужчина проскочил мимо, не глядя, и ввинтился в небольшую толпу перед дверью торгового центра.

Она вышла из маршрутки раньше, чем нужно, и прошла остановку пешком. Лешка снимал квартиру в одном из спальных районов на оживленной улице, напротив находилось маленькое кафе, где она рассчитывала пересидеть, дожидаясь, пока Лешка вернется домой. Маловероятно, что он встал сегодня спозаранку и приехал в город. Скорей всего, они лечатся после вчерашнего от похмелья. Водка наверняка осталась.

При подходе к дому снова накатил страх. Ритка, конечно, рассказала им про Лешку. Но вот знала она, где он живет, или не знала? Знала или не знала? Если Ритка знала точный адрес, то сейчас ее здесь уже ждут. Они могут быть вон в той машине с затемненными стеклами, или в подъезде, или на вот той красной лавочке под детским грибочком...

Машина была пуста, а на лавочке, несмотря на раннее время, уже уютно сидели обычные алкаши. Нужно взять себя в руки, в который раз приказала себе Лера, у нее уже ма-

ния преследования. Они ждут эффектную девицу с белыми длинными волосами, на высоченных шпильках, а вовсе не унылую сутулую неудачницу в старой Риткиной куртке с капюшоном, надвинутым на глаза. Они ее просто не узнают.

Прежде чем зайти в кафе, она решила обойти дом. И с удивлением увидела на обычном месте Лешкину машину. Белая «Хонда», вон и вмятина на левом крыле, она сама ее сделала, когда училась водить. Лешка орал тогда на нее два часа, придурок, а потом успокоился и сказал, что все равно будет машину продавать, так что чинить не стоит.

Можно было уговорить бармена в кафе, чтобы разрешил позвонить. Но Лешик сильно зол на нее за вчерашнее – еще бы, так опозорила перед друзьями! Да еще и побила... Пошлет ее подальше, может, вообще дверь не откроет. Будем выкручиваться.

Она сжала зубы, еще сильнее сторбилась и решительно повернула к подъезду.

Лешик открыл дверь, и на его помятом от ночных возлияний лице вместо злости она увидела самый настоящий страх.

– К-какого черта? – заикаясь пробормотал он и попытался захлопнуть дверь.

Но она была начеку, быстро ткнула его кулаком в живот, пропихнула в прихожую и сама втиснулась следом.

– Ты один?

Он молча кивнул.

– Не трясись, бить не буду, – усмехнулась она. – Что это

с тобой, с бодуна ломает?

– Заходи, раз пришла, – теперь он усмехнулся, дернув углом рта.

Держа его в поле зрения, она вошла в комнату. Ничего нового, обычный бардак, как всегда у Лешика. Кровать не убрана, телевизор включен, остатки еды на столе и скомканная одежда на полу. Станным было, что он не стал орать и набрасываться на нее с кулаками.

– Что это ты подхватился спозаранку? – спросила она как могла спокойно. – Не выспался небось?

– Поспишь с вами, – вздохнул Лешик, – ты Генке голову-то сильно пробила, в больницу его возил зашивать и рентген делать.

– Да ну? – фальшиво удивилась она. – Да ничего, у него башка чугунная, заживет все...

Мимходом она взглянула на часы и удивилась, что прошло всего восемь часов с того времени, как она ночью села в серый «Опель», будь он неладен. Будь они все прокляты с их наркотиками и убийствами! Ей нужно убежать отсюда скорее, спасти свою жизнь, она ничего не знает и не хочет знать!

– Алексей! – сказала она твердо. – Извини, конечно, за Гепгу, я не хотела так сильно бить. Но и ты тоже хорош – с чего это тебе вздумалось предлагать ему меня, как будто я последняя шлюха? Вроде бы повода не давала...

– Ну... – Лешка отвел глаза. – Наверно, я пьяный был...

– Не об этом сейчас речь! – прервала она. – У меня большие неприятности! Нужно быстро уехать, и как можно дальше, только денег нету! Дашь?

– Ну... – снова глазки его забегали. – А что случилось-то?

– Тебе лучше ничего не знать. И вообще ты меня сегодня не видел. Как подрались вчера в деревне, так с тех пор ты понятия не имеешь, где меня искать, ясно?

Он так легко согласился дать денег, что в душе змеей шевельнулось нехорошее подозрение – напарить хочет! Никогда раньше такого не бывало, по копейке выпрашивать приходилось, тампоны, стыдно признаться, иной раз не на что было купить! Подсунет фальшивые доллары или еще какую-нибудь пакость учинит. Лешка же, будто бы почувствовав ее подозрения, забегал по квартире, натываясь на разбросанные вещи, суетливо размахивая руками.

– Ты погоди, – бормотал он, – ты посиди, отдохни. Вид у тебя не очень-то, бледная какая-то. Сейчас поесть сгоношу, хочешь яишенку?

– Лучше кофе, – она вспомнила, что ничего не ела со вчерашнего вечера. Есть, конечно, не хотелось, но чашка крепкого кофе не помешает. И помыться бы... Об этом она мечтала с самой ночи – постоять под горячими струями, смыть усталость и ужас прошедшей ночи, однако дома ванная была занята... занята мертвой Риткой...

Мимходом она отметила, что думает о Ритке почти спокойно, и не удивилась. Потом, горевать она будет потом, не

время теперь для слез, не время, сейчас нужно убираться отсюда.

Лера насухо растерлась жестким полотенцем, просушила волосы, оделась и вышла на кухню. Лешик крутился там, гремел посудой, при ее появлении он оживился, потер руки и угодливо подставил стул:

– Ну давай, кофейку дернем! Сразу полегчает! А то, хочешь, коньяку немножко? Буквально пятьдесят грамм!

– Не пью по утрам, – огрызнулась Лера, придвигая к себе большую синюю кружку с дымящимся напитком. Кофе был горячий, крепкий и сладкий, и в голове сразу прояснилось. И снова, как уже несколько раз за прошедшую страшную ночь, под ложечкой запульсировало ощущение надвигающейся опасности.

С чего она так доверилась Лешке? Потому что больше некому было довериться? Но и он – тот еще подарок! Если вспомнить, с чего все началось... И сейчас, – слишком уж он заискивает, слишком лебезит, слишком сладко улыбается. От этой улыбки так и разит предательством. Никогда за все время их знакомства он не был так заботлив, так внимателен. Конечно, может быть, он пытается загладить свой сволочный поступок на даче, но ей казалось, что за его поведением таится нечто большее.

Что он делал, пока она была в душе?

И вдруг в прихожей едва слышно скрипнула дверь.

Это был ответ на все ее подозрения. Проклятье, ну почему она так плохо доверяет своей интуиции?

– Сволочь! Трусливый подонок! – Лера вскочила, швырнула в лицо Лешке кружку с недопитым кофе. Его гнусная физиономия смялась, перекосилась от боли и от обиды, он приоткрыл влажный безвольный рот, и она вообразила, что сейчас он расплчется, как капризный ребенок. Но вместо этого Лешик истошно заорал:

– Здесь, здесь она, на кухне!

Лера не успела даже как следует испугаться. На пороге кухни возникли двое мужчин – один коренастый, с мрачным, заросшим щетиной смуглым лицом, в коричневой кожаной куртке поверх черной рубашки, стоял чуть впереди, второй, долговязый, с кривым порочным лицом прирожденного убийцы, выглядывал из-за его плеча.

– Ку-ку, красотка! – дурашливым, высоким голосом пропел долговязый. – Вот мы и приехали! Ты рада?

– Кончай трепаться! – коротко, недовольно бросил ему напарник и сделал шаг вперед, исподлобья оглядев присутствующих.

– Скучный ты, Мурат! – скривился долговязый. – А жить надо весело! Жить надо с удовольствием!

– Здравсте, – дрожащим голосом проговорил Лешик, чуть отступая назад. – Вот, значит, она...

– Вижу, – Мурат распахнул куртку, вытащил из-за ремня тяжелый хромированный пистолет и навел его на Леру.

– Не здесь, пацаны, не здесь! – заныл Лешик. – Вы же обещали... соседи услышат, и кровь...

– Ну ты и сволочь! – Лера брезгливо покосилась на бывшего любовника и снова перевела взгляд на мрачного человека с пистолетом.

Ей казалось, что все это происходит не с ней, а с кем-то другим, с другой женщиной, по странной случайности удивительно похожей на нее. Как будто она сидит дома, с ногами удобно устроившись на диване, и смотрит фильм, где молодая красивая красотка с белыми волосами вечно вляпывается в какую-нибудь леденящую кровь историю, и скоро придет Ритка, и они начнут пить чай...

– Соседи не услышат, – спокойно проговорил Мурат, достал из кармана и прикрутил к стволу пистолета металлический цилиндр глушителя. – А кровь... кровь – она и есть кровь!

Он снова навел пистолет на Леру, шелкнул предохранителем и вдруг слегка повел стволом влево. Раздался негромкий хлопок, как будто Мурат ловко открыл бутылку шампанского. Лера ждала боли, тьмы, беспомощности – но ничего не произошло, она все еще была жива. В какой-то момент ей всерьез показалось, что все происходит действительно не с ней, что она смотрит дурацкий фильм, героиня которого пугающе похожа на нее... Но тут она скосила глаза и увидела, как Лешик сползает на пол, привалившись к белоснежному боку холодильника. Лицо у него все еще хранило выражение

детской обиды, обиды и недоумения, а на груди по футболке расплывалось красное пятно.

– За... что... – пробормотал он, ловя воздух перекошенным безвольным ртом.

– Сам знаешь, за что, – спокойно ответил Мурат. – Предателей никто не любит... и свидетели нам тоже не нужны.

Он еще раз нажал на спусковой крючок, и между глаз у Лешика возникло маленькое черное отверстие. С тяжелым, глухим звуком тело рухнуло на пол.

– Поехали, – Мурат нетерпеливо повернулся к напарнику. – Берем ее и возвращаемся.

– Погоди, – долговязый шагнул к Лере и плотоядно облизнулся. – Давай ее сперва оприходуем. Классная телка! После того как с ней поговорит Аббас, она уже ни на что не будет годна! Зачем же пропадать такому товару! Люблю беленьких!

– Уймись! – Мурат недовольно поморщился. – Нам велели ее привезти, так? Вот мы ее и привезем! Тебе что – шлюх не хватает? Не надо путать работу с развлечением!

– Ты как хочешь, – глаза долговязого нехорошо блеснули, и он выхватил из-под куртки револьвер, – ты можешь хоть удавиться, а я ее оприходую!

Жить надо весело! Или мы с тобой из-за этой телки друг друга поубиваем?

– Нет, – хмуро бросил Мурат и отступил в сторону. – Делай что хочешь, только быстро. Нас ждут.

Лере казалось, что она уже умерла. Ее нет, если эти двое вот так спокойно говорят о ней, как о неодушевленном предмете. Или как о мертвой. В сущности, она действительно уже мертва, вопрос только в том, как долго продлится агония и насколько мучительной она будет. Лучше бы уж все закончилось быстрее!

Долговязый ткнул ее в бок пистолетом, схватил за плечо, поволок в коридор, потом в спальню, швырнул на кровать.

Скорее бы все кончилось! Скорее бы этот подонок получил свое и дал ей хоть минуту покоя!

Но он не спешил. С гнусной ухмылкой стащил с нее джинсы, разорвал блузку, навис над ней, обдав отвратительной смесью запахов – перегара, чеснока, немытого тела...

– Сейчас, красотка, сейчас, ты меня надолго запомнишь! – прорычал он, срывая лифчик и стискивая грудь. – Хотя... долго не получится, долго ты не проживешь!

Она попыталась отключиться, чтобы ничего не чувствовать, уйти в небытие, затаиться там, переждать, но подлое сознание не хотело слушаться, наоборот, все чувства удивительно обострились. Она слышала хриплое, возбужденное дыхание насильника, чувствовала его тошнотворный запах, краем глаза видела смятые простыни, тумбочку возле кровати, сложенную вдвое газету, ножницы...

Ножницы?

Она выбросила в сторону руку, осторожно скосила глаза на долговязого подонка. Он ничего не видел, ничего не со-

знавал, его мутные глаза заволокла тусклая пленка похоти.

Она нащупала пальцами отделанную перламутром рукоятку, подтянула ее к себе... ножницы скользнули к краю тумбочки и едва не упали на пол. В последний момент она поймала их и сжала в ладони. Выдохнула и резко ударила туда, откуда исходило похотливое хрипение и мерзкий запах, вложив всю свою ненависть, все отвращение в этот удар. Ножницы вонзились во что-то мягкое, и она продолжала давить на них, пока не услышала отвратительный хруст. В ту же секунду ее обдало густой горячей кровью, и она почувствовала тот же сладковатый приторный запах, которым была полна квартира когда она нашла Риту.

Насильник дернулся и откатился в сторону. Из его горла торчали ножницы, и кровь била короткими сильными толчками. И с гадливым любопытством она заметила, что в эту самую секунду подонок кончил, так что в его угасающих глазах боль и удивление смешались с животным наслаждением.

Еще не успев перевести дыхание, она вскочила, оттолкнув его, кое-как натянула на ходу джинсы, торопливо нашарила на полу одежду, принялась натягивать ее, но тут же спохватилась, что есть дело более срочное, перескочила через кровать к стулу, на который насильник повесил свою куртку, трясущимися руками обшарила ее.

– Ты скоро? – раздался за дверью недовольный голос Мурата. – Давай быстрее, нас ждут!

Руки не слушались ее, она задыхалась, косилась на дверь,

из-за которой в любую секунду мог показаться второй убийца. Наконец она нащупала револьвер, подняла его, судорожно вспоминая, как Лешик, рисуясь перед ней, снимал такое же оружие с предохранителя...

За дверью послышались мягкие осторожные шаги.

– Ты скоро? – повторил Мурат, и в голосе его прозвучала настороженность.

Она наконец справилась с предохранителем, раздался сухой щелчок, и, с трудом удерживая тяжелый револьвер двумя руками, она направила его на дверь.

Дверь негромко скрипнула и приоткрылась. За ней показалась небритая щека Мурата, и в это мгновение палец Леры дрогнул на спусковом крючке. Выстрел показался ей оглушительным, револьвер рванулся, так что она едва не выронила его, но человек за дверью удивленно ахнул и повалился вперед, как подрубленное дерево. Она еще раз нажала на спуск, почти не целясь, и на этот раз попала в стоявшую на шкафу хрустальную вазу. С жалобным звоном ваза разлетелась на мелкие куски. Лера выстрелила еще несколько раз, но все пули, кроме первой, летели мимо – в стенку шкафа, в проигрыватель, в розовый торшер с цветочками по ободку.

Однако первого, случайного выстрела оказалось достаточно.

Мурат лежал вниз лицом, не подавая признаков жизни.

Комната была полна пороховым дымом.

На лестничной площадке хлопнула дверь, послышались

чьи-то шаги, вниз по ступенькам, потом все снова стихло.

Только тут ее заколотило.

До нее дошло, как близко к ней была смерть. Собственно, смерть уже пришла за ней, но в последний момент передумала или обозналась, и забрала вместо нее этих двоих. Впрочем, они всегда ходили по лезвию бритвы, для них рисковать своей жизнью было так же естественно, как дышать, пить или есть. Это была их профессия, точнее – образ жизни. Такой у них был обмен веществ. Наверное, не рискуя своей шкурой, эти двое не чувствовали бы радости жизни.

Вот и дорисковались. Сегодня им явно не повезло, карты легли не в их пользу. Зато ей, Лере, удивительно повезло. Она выиграла самую большую ставку – жизнь.

Впрочем, игра еще далеко не закончена, судьба еще запросто может отыгаться. Может заново запустить колесо рулетки. Дверь может снова открыться, пропустив еще двоих убийц. Или троих. Хотя ей хватит и одного. Не может ведь везти бесконечно.

Внезапно она увидела себя со стороны – полуголая, измученная, перемазанная чужой кровью, с дымящимся револьвером в руках... уязвимая, беспомощная, жалкая. Единственное, на что она была способна, единственное, что ей оставалось, – бежать, бежать как можно скорее и как можно дальше. Бежать и затаиться где-нибудь в тихом, безопасном месте. Если для нее еще осталось безопасное место.

Но для того чтобы убежать, убежать достаточно далеко,

нужны деньги.

Она в одних джинсах заметалась по квартире, попыталась найти их, но не нашла – то ли их у Лешки и не было, то ли он их хорошо спрятал, зная, среди каких людей живет, то ли она после всего случившегося просто плохо соображала.

Тогда она бросила эти попытки, торопливо умылась, косясь на входную дверь и каждую секунду ожидая, что она снова скрипнет, впуская в квартиру смерть. Ей мучительно хотелось снова принять душ, смыть с себя этот мерзкий липкий запах насильника со своего тела, но она побоялась потратить на это драгоценное время, поспешно оделась, схватила сумку, покидав в нее свои жалкие пожитки, и бросилась прочь из этой ужасной квартиры. По дороге она наткнулась на Лешку – мертвый, он показался ей не таким омерзительным, как прежде, при жизни, и в сердце даже шевельнулось что-то вроде жалости. Все же какое-то время он был ее любовником, жадным, изворотливым, недалеким, но он был ее мужчиной. Но она усилием воли напредила себе, что именно он втянул ее в этот бесконечный кошмар, из которого пока не видно выхода, и что не прошло часа с тех пор, как он снова предал ее, и перешагнула через него, как через грудку грязного белья.

Выскочив на лестничную площадку, она замерла и прислушалась – по лестнице кто-то поднимался. Она хотела уже взбежать на верхний этаж и пересидеть там или попытаться уйти через чердак, но в это время снизу донесся глухой

старческий голос:

– Одно меня беспокоит, Коля. Ты всегда покупаешь двадцатипроцентную сметану, а это вредно для твоих сосудов. Нужно покупать пятнадцатипроцентную.

Она перевела дыхание и медленно двинулась вниз, стараясь выглядеть и вести себя, как нормальный человек. Ниже этажом она разминулась с парой стариков, возвращавшихся из магазина. Как всякие долго прожившие вместе люди, они были удивительно похожи, и на мгновение где-то в глубине души она им позавидовала. Старики проводили ее удивленным и испуганным взглядом.

Она пришла в себя на Московском вокзале, очевидно, ноги сами принесли ее в то место, откуда ходят поезда домой, в родной город Владимир. Она сидела, скорчившись на полу возле памятника Петру Первому, рядом располагалась группа подростков с сумками и рюкзаками. Учительница истошно кричала, выговаривая какому-то Витю-кову ее голос проникал через капюшон прямо в мозг. Лера пошевелилась и застонала, потому что от неудобной позы затекло все тело. Ближайший мальчишка стрельнул в нее глазами и на всякий случай отодвинул свою сумку. По аналогии она хватилась своих вещей.

Сумки не было. Не было кошелька и даже перчаток. Она не удивилась бы, если бы не было и паспорта, но он лежал нетронутым в заднем кармане джинсов. Счастье, что она

вложила стодолларовую купюру в паспорт!

Объявили посадку, и школьники двинулись на перрон, галдя и смеясь. Учительница орала так же истошно, делая перекличку.

– Ломает? – послышался рядом вкрадчивый голос.

Она открыла глаза и увидела, что рядом стоит гнусный тип в грязной куртке с длинными сальными волосами.

– Отвали! – прохрипела она и отвернулась.

– Если денег нету, могу так помочь, – не отставал тип.

– С чего такой добрый? – без любопытства спросила она.

– А ты не знаешь? – он вроде удивился. – Такса известная, трахнемся – вот тебе и доза!

– Трахнемся? – повторила она. – За дозу? Ну-ну... Обойдусь пока...

В карманах Риткиной куртки нашлась мелочь – ровно десять рублей, так что тетка в общественном туалете хоть и скорчила морду, но все же пустила. Лера умылась горячей водой с мылом, снова туго сколола волосы, потом тут же, на вокзале, обменяла свои сто долларов на рубли. Поела пиццы в привокзальном бистро, выпила две чашки черного кофе и закурила наконец нормальную сигарету.

– За дозу, – повторила она вслух, глядя, как дым от сигареты уплывает вверх, – за дозу...

Какой-то молодой человек за соседним столиком заинтересованно на нее взглянул и тут же отвел глаза.

Еще через две сигареты решение было принято. Твердое решение, приговор окончательный и обжалованию не подлежал. Раз они с ней так, то и у нее развязаны руки. Только за то, что она оказалась вчера ночью в неподходящем месте, судьба лишила ее всего – работы, квартиры, ближайшей подруги. Она едва не лишилась жизни и превратилась в жалкое, гонимое, всеми презираемое существо. Гнусный тип, отброс общества, подвалил к ней с предложением, даже тетка в платном туалете посмотрела волком и прошипела сквозь зубы что-то ругательное.

«Ну это мы еще посмотрим! – сказала она себе. – Мы еще поглядим, кто будет веселиться на чьей могиле! Пока что счет два – один! Двое черных против Ритки».

Она нащупала в кармане фарфоровую китайскую собачку, все, что осталось у нее от подруги, и дала себе слово отомстить за Ритку. Она обязательно отомстит неизвестному Аббасу Око за око, зуб за зуб. Жизнь за жизнь...

Тот перекресток на Киевском шоссе, где посадил ее на рассвете старенький львовский автобус, она нашла быстро. Такая была у нее способность – раз увидит место, никогда его не забудет. И ориентировалась в незнакомых местах она всегда отлично, могла найти дорогу хоть ночью в полной темноте.

Сейчас был тусклый осенний день. Без дождя, но на небе собирались подозрительные серые тучи, похоже, бабьему ле-

ту пришел конец.

Она пошла, широко и свободно шагая по грунтовке, ее обогнал сначала разболтанный грузовик, потом – пустой похоронный автобус.

«Не к добру», – подумала она, но тут же отогнала глупую мысль – какое уж тут добро. Теперь в ее жизни мало будет хорошего, нужно привыкать.

По проселку так мало ездили, что она нашла следы своих каблучков на дороге. Было тихо, но ее не обманывала эта тишина, она знала, что за каждым кустом могла притаиться опасность.

Вот сейчас покажется сарай, где вчера ночью она оставила машину. Она перепрыгнула неширокую канаву и стала красться, прячась в высокой траве. Если люди Аббаса нашли машину, им тут больше нечего делать, а ее они ищут, чтобы уничтожить нежелательного свидетеля. Если же машину нашел случайный человек, то тут вполне может ошиваться милиция. Хотя это вряд ли. Скорей разденут машину, разберут по винтику и убегут. Кому охота с милицией разбираться? Затаскают потом...

Вот и знакомые клены, легкий ветерок нехотя перебирал листья на деревьях. Ворота сарая были закрыты, никаких подозрительных следов вокруг. Она решилась и, пригнувшись, перебежала поляну.

«Опель» был в сарае, никуда не делся. Она увидела следы засохшей крови на сиденье, свой длинный светлый волос.

От воспоминаний и запаха накатила тошнота, так что она поскорее вытащила чемоданчик с героином, мимоходом заглянув в бумагу, что лежала сверху. Это был чертеж, нарисованный карандашом неверной рукой – в одном месте карандаш сломался, в другом пришлось обводить линии несколько раз. Волнистая линия, наверное, дорога, какие-то кружки – камни, что ли, потом домик не домик, отчего-то с пушкой. Надписи и вовсе не разобрать. Она удивилась, что тратит время на ерунду. Но вспомнила, как водитель «Опеля» настоятельно просил, чтобы она взяла бумагу себе. Лист был плотный, желтоватый, на обратной стороне какой-то разноцветный бланк и лиловый штамп «Оредежская областная больница». Еще лист был явно разорван пополам, прямо по чертежу. Она пожала плечами, осторожно, по прежним сгибам, сложила и спрятала бумагу в карман.

В бардачке она нашла документы на машину, владельцем значился Затворов Виктор Михайлович, вот, значит, как его звали. В багажнике лежали брезентовая сумка с инструментами и запасная канистра с бензином, вот и славно. Она выбросила инструменты и запихнула в сумку чемоданчик, чтобы не бросался в глаза, затем аккуратно, чтобы не запачкаться, облила бензином салон и полила сверху.

Черная глядь пруда покрылась рябью – пошел тягучий осенний дождик. Она постояла немного, глядя на быстрые пузыри, думая о том, кто лежит сейчас на дне пруда. Это он втянул ее в этот кошмар. Но с другой стороны, он ее спас,

когда выкинул из машины там, на шоссе. В общем, уже абсолютно неважно, кто кого и куда втянул, пытаюсь быть справедливой, рассудила она, тем более что он – там, в холодной воде, а она – здесь, на земле, и еще живая. Он указал это место, только просил помочь какой-то Аньке. Анна Сенько, Тополевая, десять, квартира шесть. Она точно запомнила адрес, но этим займется позже.

Докурив сигарету и в последний раз оглянувшись по сторонам, она бросила ее в темную глубину сарая. Взрыв настиг ее уже на проселочной дороге.

Рейсовый автобус был заполнен немолодыми садоводами с тяжелыми сумками, ото всех пахло землей и усталостью, на нее никто не обратил внимания.

Домой, думала она, трясясь на задней площадке разбитой колымаги, теперь домой. Там она разберется со всем. И хоть никто ее дома не ждет, но она выросла в этом городе, знает каждый закоулок. Конечно, люди Аббаса наверняка узнали у Ритки, что она родом из Владимира. Но пускай попробуют ее там поймать, там она – на своей территории. Пускай только сунутся, и мы посмотрим, кто будет смеяться последним!

На вокзале она направилась было к кассе, но вовремя остановилась. Если ее ищут – а ее наверняка ищут, как только ее паспорт попадет в руки кассирши, можно считать, что поиски завершены. Паспортные данные попадут в компьютерную базу, а дальше уже – дело техники. Если ее не перехватят на вокзале перед поездом, то будут встречать во Вла-

димире.

Значит, касса отпадает.

Но это не страшно.

Проводница, невыспавшаяся тетка с огненно-рыжими волосами, поверила в ее жалостливую историю про украденный паспорт (или сделала вид, что поверила) и за тысячу рублей пустила на верхнюю полку жарко натопленного плацкартного вагона. Только вытянувшись на этой полке и подложив под голову заветный чемодан, Лера поняла, как она устала.

Однако сон не шел. Было жарко, голову сдавило, как обручем, из-за недостатка свежего воздуха. Здесь, в относительно спокойном месте, можно было подумать, что, собственно, с ней случилось. А случилось с ней столько всего, что не то что одному человеку, а и троим хватит для того, чтобы умом рехнуться. Еще вчера она была нормальным человеком, только сутки понадобились, чтобы превратить ее в преступницу. Начать с того, что она скрыла труп Затвора и сожгла машину, то есть уничтожила доказательства преступления. А потом убила тех двоих в квартире у Лешки. Лера прислушалась к себе и поняла, что ни капельки об этом не жалеет. Она боролась за себя, и она ни в чем не виновата. Если уж судьбе угодно было отобрать у нее нормальную жизнь и втянуть в этот кошмар, то она будет бороться до конца.

Нормальная жизнь... Она усмехнулась в темноте. Да была ли у нее когда-нибудь нормальная жизнь? Свой дом, друзья,

любимый человек, наконец...

Можно ли считать домом ту жалкую запущенную квартиру, которую они с Риткой снимали на двоих, где из кранов вечно капала вода, а ручку духовки можно было повернуть только пассатижами? Еще регулярно лопались то труба, то сифон, и сосед снизу приходил скандалить, а выжига-хозяйка, толстущая базарная тетка, норовила повесить ущерб на них, да еще грозилась согнать с квартиры! Лера представила себе лицо мерзкой бабы, когда она найдет квартиру с трупом впридачу, еще и от ментов не отвяжется!

Жалко Ритку, хоть они и ругались иногда, все же ближе нее у Леры никого не было. Насчет любимого человека – это, конечно, не про Лешку, от него, в общем, она никогда ничего особенного не ожидала. Однако один раз она все же сумела наступить на эти грабли.

Снова она усмехнулась – время ли сейчас копать в собственной жизни? Но воспоминания лезли сами собой, непрощенные, она никак не могла от них отвязаться.

Она приехала в Петербург, а не в Москву, потому что у мамы тут жила старая подруга. Лера тогда еще удивилась, потому что мама никогда про нее не рассказывала. Однако когда Лера твердо настроилась уезжать из родного города, мама, порывшись в старых письмах, нашла адрес и написала подруге письмо. Конверт был заклеен, и мама взяла с Леры честное слово, что она не станет его вскрывать. Лера тогда только плечами пожала – мысли ее были уже далеко, в

большом городе, где всегда чистые светлые улицы, по которым ездят на дорогих машинах хорошо одетые люди с умными значительными лицами. Она хотела уехать сразу после школы, но мама все тянула и упрашивала еще немного подождать. Год Лера прокантовалась на оптовой торговой базе в непонятной должности. Денег платили мало, работа была тупая и однообразная. И вот наконец наступил тот день, когда она села в поезд, с нетерпением ожидая, когда же скроется за окнами холм с Успенским собором, потянутся приземистые складские помещения и поезд, набирая ход, повезет ее в новую жизнь.

Мамину подругу звали Татьяна Ивановна, она оказалась немолодой, но очень ухоженной женщиной. Лера притащилась к ней прямо с вокзала, с запыленным чемоданом и слегка оробела уже в подъезде, увидев цветы на подоконниках и лифт с зеркалом. Потом она поняла, что при виде ее рослой фигуры и длинных белых волос на консьержку, очевидно, нашло небольшое умственное затмение, раз пропустила ее в квартиру.

На звонок открыла простоволосая тетка в ситцевом халате и с шваброй в руках.

– Зина, я же просила вас не открывать никому, не спрашивая... – с этими словами в прихожую вышла хозяйка.

Увидев Леру, она застыла на пороге, только округлившись от удивления глазами осматривала ее всю. От хозяйки пахло какими-то сложными духами, волосы была тщательно

уложены. Лера невольно поежилась – стало стыдно потертого чемодана и своей неновой одежды. Она протянула маминно письмо. Все так же молча Татьяна Ивановна прочла его прямо тут, в прихожей, подумала немного и велела Лере обождать.

Зина принесла в прихожую простую табуретку и, недовольно ворча, обтерла тряпкой чемодан. Слышно было, как хозяйка в глубине квартиры говорит по телефону. Лера не стала садиться и уже подумывала о том, чтобы уйти, раз ей оказали такой нелюбезный прием, но тут появилась Татьяна Ивановна, одетая по-уличному, и кивком велела следовать за собой.

У подъезда дожидалось такси, они долго ехали по незнакомым улицам, один раз остановились возле какого-то дома, и Лерина спутница вышла ненадолго. Вернулась она, на ходу убирая в сумочку ключ. Всю дорогу они молчали, Татьяна Ивановна ни разу не спросила Леру о маме, а также о ее планах на будущее. Лера вертела головой, пытаясь рассмотреть город, но очень скоро машина повернула на улицу, вдоль которой стояли обычные серые пятиэтажки. Такого и во Владимире было предостаточно, смотреть не хотелось.

На третьем этаже Татьяна Ивановна открыла дверь небольшой однокомнатной квартиры и сказала, что это все, что она может для Леры сделать. Квартира оплачена за три месяца вперед, за это время Лера устроит свои дела. И поглядела сухо, давая понять, чтобы на большее Лера не рас-

считывала. И еще что-то промелькнуло в ее взгляде, похожее на страх, так что Лера остро пожалела о том, что послушалась маму и не прочитала письмо.

Но вскоре она выбросила из головы и письмо, и саму Татьяну Ивановну. Нужно было искать работу и устраивать свою жизнь. Разумеется, прежде всего она сунулась в модельные агентства. Тут и сомнений быть не могло: при ее внешних данных – рост сто восемьдесят, ноги, что называется от плеч – там ей самое место. Она ожидала, что не все пойдет гладко, потому что жизнь уже кое-чему ее научила. Никто никому ничего не дает даром, это она знала твердо. Но надеялась, что ей повезет хоть немножко.

В первом агентстве ее не пустили дальше порога – сейчас нам никто не нужен, сказали ей. В следующем девица за стойкой окинула высокомерным скучающим взглядом и велела позвонить не раньше чем через месяц. Еще в одном дама с сигаретой за ухом, бросив на Леру неприязненный взгляд, крикнула, чтобы не являлась, не похудев минимум на десять килограммов. Лера обиделась и пала духом, но все же решила идти еще в одно место.

Она уже знала, что для начала ей нужен альбом с фотографиями, называемый портфолио. Загвоздка была в том, что хорошие фотографы брали дорого, у нее не было таких денег. Оставалась призрачная надежда, что какой-нибудь специалист сумеет разглядеть в ней что-то, что его заинтересует.

Все получилось, как в кино: на пороге она столкнулась с Ним. Но сердце не екнуло и не ухнуло вниз, душа не затрепетала, он торопился, она прикидывала про себя, что сказать в приемной.

История повторилась: узнав, что нет фотографий, девушка в приемной резко поскучнела и раскрыла рот для решительного отказа. И тут выскочил в приемную какой-то тип с неровными желтыми зубами, представился Валерой и сказал, что готов помочь тезде, невзирая даже на такой серьезный недостаток, как отсутствие капусты, у него студия за углом. Лера колебалась, потому что на Валере было просто написано, что плату он потребует натурой.

Вдруг что-то случилось, время смешалось с пространством, остановилось и пошло вспять, потому что дверь отворилась и снова вошел Он. Оказалось, Он просто забыл мобильный телефон, оттого и вернулся. Но успел увидеть Леру под другим ракурсом и остановился, как громом пораженный. Мигом выяснил суть проблемы и сказал: «Из вас, разумеется, может что-то получиться, только нужно много работать!» Она была согласна на все.

Он покорила ее тем, что для этого человека, казалось, не существует нерешенных проблем. Машины расступались перед ним, давая его «Мерседесу» зеленую улицу, гаишники заискивающе улыбались, официанты летели к нему через весь зал, продавщицы в дорогих бутиках бросались навстречу, едва завидев его на пороге.

Конечно, первый же совместно проведенный день закончился в постели. То есть, собственно, вовсе не в постели, а в огромной ванне-джакузи, в бурлящей ароматной воде, пахнущей южным морем и горной лавандой.

Прежние Лерины дружки были торопливы, эгоистичны и неумелы, от них пахло потом и наглой юношеской самоуверенностью. Они спешили получить свое, и ощущения партнерши стояли при этом на двадцатом месте, то есть они этими ощущениями нисколько не интересовались.

Олег – а именно так звали Его – был их полной противоположностью. Он совершенно не спешил, как будто в его распоряжении была целая жизнь. Наоборот, он делал все удивительно медленно, с какой-то волнующей, головокружительной неторопливостью. И он чувствовал каждое Лерино желание до того, как она сама успевала его осознать. Он был внимателен, ласков и неутомим.

Когда ей казалось, что все уже закончилось и она просто не в состоянии перенести еще что-то подобное – Олег находил в ней еще какую-то нетронутую струну и извлекал из нее что-то новое, что-то совершенно неизведанное. Она превратилась в его опытных руках в послушный и отзывчивый музыкальный инструмент, и это невероятно нравилось ей. Ей хотелось быть его инструментом, его вещью, его собственностью. Это было какое-то нескончаемое безумие. Казалось, он знает ее тело и ее душу гораздо лучше, чем она сама. Да, наверное, так оно и было.

После всего она лежала в теплой воде совершенно без сил, и по ее щекам безостановочно текли счастливые слезы, слезы с запахом моря и лаванды.

Лере казалось, что для нее наступила новая, прекрасная, настоящая жизнь, что все, что было прежде, – это только репетиция жизни, подготовка к ней, а вот теперь начнется все самое главное, самое замечательное. И она была совершенно уверена, что достойна этой жизни, что она заслужила ее годами своей нищей провинциальной юности... а какой человек не считает, что заслужил случайно выпавшую ему удачу?

Олег водил ее по дорогим магазинам, сам выбирал для нее вещи. Видно было, как ему нравится одевать ее – почти так же, как раздевать. Они обедали в хороших ресторанах, Лера быстро привыкла к изысканной кухне и дорогим французским винам.

Человек привыкает ко всему, а к хорошему – особенно быстро. Привыкает и принимает это как должное. Только через неделю Лера вспомнила, что он обещал помочь ей устроиться в модельное агентство. В общем, теперь это не слишком интересовало ее, ей казалось, что жизнь всегда будет такой, и не хотелось думать о работе, даже самой интересной и привлекательной. Однако она напомнила ему, и Олег в тот же день познакомил ее с хозяйкой крупного агентства Нелли Петровной. Нелли внимательно осмотрела Леру и велела прийти в следующий вторник, чтобы провести фотосессию.

Однако в пятницу они с Олегом улетели на Канары, и там

все было еще прекраснее. Они любили друг друга днем на шелковых простынях дорогого номера, ночью в соленой пене морского прибоя или на освещенном лунным светом пляже. Шампанское пенилось в бокалах, устрицы томились на льду, ветер шумел над океаном, и жизнь казалась волшебной сказкой, безумством, которое будет продолжаться вечно.

Они были удивительно красивой парой, и все головы поворачивались им вслед, когда они шли к бассейну или к столу ресторана.

Неделя на Канарах пролетела, как одна минута.

По возвращении в Петербург Олег сказал, что должен на несколько дней уехать по делам.

Она мужественно улыбнулась и обещала не скучать.

Она действительно не скучала – она просто не находила себе места, лезла на стенку, сходила с ума. За короткое время она слишком привыкла к его сильным ласковым рукам, к его властному взгляду. Привыкла быть его вещью.

Прошло несколько дней, но он не появился.

Она звонила на его мобильный, но безразличный механический голос отвечал, что абонент временно неактивен.

Чтобы как-то убить время, чем-то занять себя, она отправилась в модельное агентство. Но Нелли Петровна взглянула на нее с высокомерным удивлением, не сразу узнала, а когда узнала, проговорила, поджав и без того узкие губы:

– Я же велела вам прийти в прошлый вторник. Что же вы, девушка, думаете, такими предложениями бросаются? Боль-

ше вакансий у меня нет!

А на следующий день, от безделья слоняясь по центру города, она случайно увидела, как Олег вышел из дорогого бутика с какой-то кривоногой шатенкой. Та висела на нем, радостно щебеча, и высокомерно поглядывала по сторонам.

Только теперь пелена спала с ее глаз, и Лера поняла, как мало значила она в жизни Олега и сколько таких глупых девушек было у него до нее и будет после.

Она ничем не показала того, что происходило внутри.

В этом помогла ее холодная, сдержанная натура. Недаром ее звали в юности, в другой жизни, Снежной Королевой. Она пошла прочь по улице, высоко вскинув голову и машинально отмечая, сколько мужских голов поворачивается вслед.

Она постаралась остаться на плаву. Даже сделала еще несколько попыток пристроиться в модельный бизнес. Прекратила она эти попытки после того, как в одном из агентств на нее внимательно посмотрел лысый потный толстяк в костюме от «Армани» – общение с Олегом не прошло для нее зря – и проговорил с нескрываемым интересом:

– Из вас, разумеется, может что-то получиться, только нужно много работать!

Жизнь словно сделала круг, только на этот раз все повторялось в виде гнусной пародии. Лере стало противно до тошноты, она мгновенно представила, как сложится жизнь дальше. Лысые толстяки будут меняться в ее постели, словно разноцветные слайды в калейдоскопе, может, и удастся при-

строиться в какое-нибудь третьесортное агентство, но без спонсора все равно она не сможет получить приличный контракт. А потом она просто пойдет по рукам, опускаясь все ниже и ниже...

Лера поглядела на толстяка сверху вниз и сказала, глядя в упор ледяными глазами:

– А пошел ты!..

Повернувшись, взмахнув волосами, пересекла приемную в два широких шага и под остолбенелое молчание присутствующих захлопнула за собой дверь в модельный бизнес.

В газете, где предлагали работу, Лера не нашла для себя ничего подходящего, ведь она ничего не умела делать. То есть умела-то она многое – готовить, убирать, вскопать огород, побелить потолок, покрасить стены, сшить за один вечер юбку или летнее платьишко, но большому городу требовались бухгалтеры с опытом работы, водители класса «А», штукатуры, механики, программисты. Лера все же попыталась устроиться секретаршей или продавщицей. Либо предлагали очень мало денег, либо обещали позвонить позже. Она продала кое-какие тряпки, что купил ей Олег, продала без всякого сожаления, потому что выбросила этого человека из своих воспоминаний решительно и бесповоротно. Деньги все равно быстро кончились. И в довершение всего как-то вечером раздался звонок в дверь, и здоровенный бугай, которому тесно было в крошечной прихожей, грубо заявил, чтобы Лера немедленно съезжала с квартиры. В ответ

на ее заверения, что у нее договор с хозяйкой и что все оплачено, бугай сказал, что он и есть хозяин, что оплатили ему квартиру за месяц, а сейчас уже второй на исходе и что если Лера сейчас немедленно не свалит, он выдворит ее силой.

Когда же она дрожащей рукой набрала номер Татьяны Ивановны, домработница ответила, что хозяйка в санатории и вернется нескоро, а насчет Леры ей никаких распоряжений не оставили.

Возле большого магазина, набиравшего сотрудниц, они познакомились с Риткой. Обе не прошли собеседование, но Ритка не унывала. Она уже полтора года жила в большом городе и знала, что удача – очень капризная особа. Они быстро подружились и сняли общую квартиру. Лера нашла работу в магазине, потом перешла в другой. Ритка устроилась барменшей в маленьком кафе недалеко от дома. И вот с таким трудом налаженная жизнь разлетелась позапрошлой ночью на мелкие кусочки, которые не собрать, не склеить...

На длинном перегоне поезд разогнался. Была глубокая ночь. Вагон спал. Лера впала в короткое тяжелое забытие, из которого ее внезапно выбросило, как летчика из падающего самолета.

В первый момент она не поняла, что ее разбудило. Вагон был полон обычных ночных звуков – сонного дыхания, скрипа разошедшихся полок, гудения неисправного трансформатора и постоянного, ровного перестука колес. Пассажир на боковой полке, толстый лысый мужик в желтой майке, гром-

ко всхрапнул и повернулся на бок.

Лера лежала, не шевелясь, и прислушивалась.

И вдруг она не услышала, но почувствовала легкое, едва осязаемое движение. Кто-то пытался вытащить чемоданчик из-под ее головы.

Она резко повернулась, выбросила руку в проход и схватила кого-то за руку. Рука была неожиданно тонкой и холодной. Свесившись с полки, увидела девчонку лет восемнадцати в приличной джинсовой куртке, которая молча, остервенело пыталась вырвать руку. Глаза воровки были полны ненависти и еще какого-то труднообъяснимого чувства. Самым странным во всей этой сцене было то, что она не издавала ни звука, только выкручивала руку. Вдруг она сунула вторую руку за пазуху и вытащила оттуда опасную бритву.

– Отпусти, сучка! – прошипела воровка, выбросив лезвие. – Отпусти, а то всю рожу располосую!

Лера, не раздумывая, разжала руку, но другой сделала заметное движение, словно доставала что-то из-под одеяла.

Воровка увидела это движение, скрипнула зубами и попятилась, не спуская с нее ненавидящего взгляда.

– Чтоб ты сдохла! – бросила она сквозь зубы.

– Ты же еще на меня катишь? – удивленно прошептала Лера. Ей отчего-то страшно было нарушать неустойчивую вагонную тишину. – Я что, сама тебе должна была чемодан отдать?

– А ты когда-нибудь ломку чувствовала? – отозвалась дев-

чонка, медленно отступая по проходу.

Только теперь Лера разглядела ее сузившиеся в точку зрачки, бисеринки пота на висках, и поняла то странное выражение, которое удивило ее в глазах воровки.

Толстый мужик с боковой полки снова всхрипнул. Лера покосилась на него, а когда снова подняла взгляд – воровки уже и след простыл.

Лера думала, что больше не заснет, но усталость взяла свое, и она почти сразу провалилась в душный, тяжелый сон без сновидений, одной рукой продолжая сжимать ручку чемоданчика.

Проснулась она, когда было уже совсем светло.

Пассажиры с нижней полки пили чай, толстый мужик, все в той же несвежей желтой майке, ел холодную курицу, с хрустом отламывая огромные куски.

– Сколько времени? – спросила Лера проводницу, скользившую по проходу с несколькими стаканами чая в руках.

– Двенадцатый час, скоро уже твой Владимир! Чаю хочешь?

Лера поставила чемодан на платформу и огляделась. Хотя она не так давно уехала из родного города, ей показалось, что за время ее отсутствия все здесь выцвело и уменьшилось. По перрону торопливо проходили немногочисленные пассажиры, пожилая цыганка разметала пыль пестрой юбкой, сверкала золотыми зубами, зорко поглядывала по сторонам – где

что плохо лежит. Поравнявшись с Лерой, проговорила низким гундосым голосом:

– Позолоти ручку, молодая-красивая, все тебе расскажу, что было с тобой и что будет!

– Проваливай, тетка! – огрызнулась Лера, быстро нагнулась и на всякий случай покрепче прихватила чемодан.

– Зря не хочешь, – зашипела цыганка. – Сама себе навредить можешь! Большие неприятности на свою голову накличешь! Плохие люди на тебя зуб имеют...

– А ну, проваливай! – Лера сжала зубы и замахнулась. Про плохих людей она все и так знает.

Цыганка презрительно сплюнула, подобрала юбки и величественно удалилась, что-то бормоча под нос.

– Девушка, такси не надо? – тут же подкатился потертый дядька в кожаной кепке. – Такси недорого...

Сначала она хотела и его отфутболить, но потом представила трясущийся допотопный троллейбус, который еле ползет от вокзала через весь город, вспомнила плечи и локти его раздраженных пассажиров, набивающихся на каждой остановке, как сельди в бочку, и со вздохом спросила:

– Недорого – это сколько?

Дядька назвал цену, действительно смешную по сравнению с Москвой и Питером, и, хотя денег у нее оставалось совсем мало, она согласилась. Таксист потянулся за чемоданом, но она помотала головой и прижала его к груди.

– Как скажешь... хотел же помочь...

Через пять минут они ехали по ее родному, до боли знакомому городу, только Лере казалось, что здания как-то уменьшились, улицы сузились, даже самый воздух изменился, став каким-то плотным и пыльным. Мимо окон машины пролетели старые церкви, Дмитриевский собор, Золотые ворота, потом потянулись уютные двухэтажные домики, такие же, как сто лет назад: первый этаж оштукатурен и выкрашен зеленой или голубой краской, второй – бревенчатый или обшитый вагонкой, яркие ставни, резные наличники, веселые ситцевые занавески на окнах, герань и бальзамин. Между домами аккуратные дощатые заборы, крытые ворота, на которых восседает непременный кот, намывает мордочку, свысока поглядывая на прохожих и проезжих.

Затем машина проехала мимо мрачного бетонного корпуса химического комбината, вдалеке показалось здание бывшего обкома, которое в городе называли «Кубик Бобика» – за кубическую форму и по имени бывшего городского начальника Бобовикова. Миновали унылую громаду знаменитого Владимирского централа, проехали несколько кривых переулков и остановились перед покосившимся, давно не крашенным забором, за которым виднелся ее родной дом.

Лера расплатилась с таксистом, подхватила чемодан и толкнула калитку. Косматый пес рванулся к ней, натянул ржавую цепь, хрипло, недовольно залаял.

– Ты что, Султан, не узнал меня? – спросила она, шагнув навстречу. Султан еще раз для порядка гавкнул и затих,

виновато замотал хвостом – извини, мол, не признал сразу, долго же тебя не было!

Она потрепала пса по мохнатому загривку, оглянулась на окна дома, но пошла сперва не туда, а к деревянному сараю. Прошла в дальний угол, разобрала поленья, засунула в глубину свой чемодан, заложила его, посмотрела со стороны – незаметно, и только тогда прошла к дому, поднялась по крыльцу и, не стучась, вошла в сени.

Отчим сидел на кухне, возле топящейся дровяной плиты, в застиранной серой майке и трикотажных тренировочных штанах, перед ним на сальной газете стояла ополовиненная бутылка водки, граненый стакан, жирная селедка и миска с солеными огурцами. За время, что она его не видела, он не то чтобы постарел, а еще больше обрюзг, оплыл, в лице еще заметнее проступили скупость и подозрительность.

«И квасит-то в одиночку! – подумала Лера, оглядев его. – Не обзавелся за всю жизнь друзьями из-за своего поганого характера, даже выпить не с кем!»

– Это кто ж это к нам пожаловал? – протянул отчим, поворачиваясь к двери. – И не постучавшись! А то я слышу, Султан загавкал... Да это никак Норка! Какие, извиняюсь, черти тебя принесли? Ишь ты, столичная штучка! Фу ты, ну ты, ножки гнуты! Видать, не больно-то тебе в столицах подфартило, коли в наши края воротившись?

– Здравствуй, – проговорила Лера, окидывая помещение взглядом. – Я у тебя немного поживу.

– С какой это радости? – затянул отчим. – То годами не вспомнит старого человека, рубля на лекарства не пришлет, а как припекло – так прикатила на все готовенькое!

– Старый человек? – Лера сама удивилась собственному спокойствию. – Да на тебе еще пахать можно! Это дом моей матери, и я имею полное право в нем жить. Знаю я твои лекарства, – и она выразительно оглядела разложенные на столе припасы.

Заметно было, что отчим удивился ее спокойствию и уверенности. Раньше она взрывалась мгновенно, с пол-оборота начинался скандал, в котором он чувствовал себя, как рыба в воде. А теперь диспозиция изменилась, он потерял почву под ногами и решил сменить тактику.

– И правда – чего нам собачиться! Мы же вроде как родные люди...

– Именно – вроде как! – скривилась Лера.

– Ну так проходи, располагайся! Поживешь... пока, коли больше негде! Вещички-то твои где?

– Нет никаких вещичек! – отмахнулась она. – Только что на мне.

– Что ж так? – Его глаза снова недобро загорелись. – Видать, не больно-то в столицах разжилась? Ну ладно, нет так нет! Не хочешь с дороги выпить-закусить? Со свиданьем, как говорится!

– Нет! – отрезала Лера, хотя есть хотелось ужасно. Просто при взгляде на отчима, на его грязные волосатые руки,

на старую газету, которой был застелен стол, на нее накатиł знакомый приступ тошноты.

– Ну, как говорится, было бы предложено! – отчим явно обрадовался, что не придется делить с ней трапезу, плеснул в стакан водки, влил в глотку, захрустел огурцом, – Ну коли так – располагайся, будь как дома, но не забывай, что ты в гостях! – и он захихикал, довольный собственным остроумием.

Она прошла в комнату – большую и страшно захламленную, валялись там грязные носки, старые газеты, один ломаный стул. Диван был раз и навсегда разложен. Леру едва не вырвало от вида грязных простыней.

– Ты что – вообще никогда белье не меняешь? – не сдержавшись, крикнула она, но отчим, к счастью не расслышал, он бубнил что-то, уставившись тяжелым взглядом на бутылку.

Она откинула занавеску и вошла в свою «светелку», как называла мама отгороженный угол. Там было не так грязно, если не считать слоя пыли на шкафу и на шатком столике, где она когда-то делала уроки. В шкафу лежало аккуратной стопкой еще мамой сложенное белье, и от запаха сушеной лаванды у нее защемило сердце. Она села на пыльный старенький диван и вспомнила тот ужасный день, когда мама, придя с работы, бросила у порога сумки, наклонилась расшнуровать ботинки, да так и рухнула на пол. Подняли ее уже мертвую, даже «скорую» не стали вызывать, все равно позд-

но. Лера не плакала на похоронах, потому что в глубине души была к ним давно готова. Мама так и не оправилась после смерти Женьки.

Так не годится, тут же сказала она себе, с таким настроем она даже с отчимом не сладит, не говоря уж обо всех остальных. Ничего, она выпутается и из этого, пообещала она себе – у нее просто нет другого выбора. Она нашла в шкафу кое-что из своей старой одежды, очевидно, отчим еще не настолько опустил, чтобы пропивать домашние вещи.

План действий был у нее продуман до мелочей. Она решила продать наркотики – те, что достались ей в наследство от Затвора. Пока она не избавится от чемодана, она не будет спокойна. Но ведь не встанешь с чемоданом у магазина и не будешь отмерять героин стаканом, как бабушки отмеряют семечки и клюкву. Нужен помощник, верный и знающий человек. И такой человек у нее имелся в городе Владимире – старый приятель, когда-то в школе влюбленный в нее, Митька Золотарев. Биография у него была самая подходящая – бросил школу, недоучившись полтора года, промышлял мелкими кражами, потом ограбил с приятелями магазин и загремел на зону. Но так как не было еще восемнадцати, то дали ему немного. Отсидел и того меньше – вышел по амнистии. При встрече тогда сказал ей, что поумнел и ерундой больше заниматься не станет. И верно, взялся за ум – воровать бросил, прибил к солидной бандитской группировке

и состоял у них не то бригадиром, не то еще каким-то мелким начальством. Кличку Митька имел «Долото» – так переделали фамилию.

Митьку она нашла быстро – он с друзьями проводил все вечера в пивной под незамысловатым названием «Маргаритка». Лера отдала парню, отиравшемуся при входе, едва ли не последние деньги и вызвала Митьку на улицу. За это время он почти не изменился – те же хитрованские глаза, та же нагловатая ухмылка, тот же непослушный, еще со школы, вихор на макушке.

– Королева? – он удивился, потом взгляделся в нее внимательнее. – Похудела, стала, как раньше... Красивая...

«Это от старых шмоток его так повело...» – усмехнулась она про себя, но виду не подавала.

– Дело у меня к тебе, Митя, – сказала она без улыбки. – Важное. Нужно без свидетелей говорить.

– Тогда, может, ко мне поедем? – он подмигнул нахально. – Я приличную хату снимаю, тут недалеко.

– У тебя важного разговора не получится, ты небось сразу в койку потянешь...

– А чего? Давно не виделись... – но, взглянув на нее, смущенно отвел глаза и быстро проговорил: – Ну понял, понял... не дурак. Тут ресторан новый открылся, рядом со всем. Наши туда не ходят.

В ресторане было пусто. Им отвели самый дальний столик.

– Ну, за встречу! – Митька залпом выпил коньяк. Она крутила свою рюмку и внимательно за ним наблюдала – не много ли пьет, не жадно ли. Пил Митька нормально – руки не трясутся, глаза не горят, следующую наливать не торопится... Повинуясь ее взгляду, он отставил бутылку в сторону.

– Ну? Что за дело-то?

– Слушай... Кто в городе наркотой занимается?

– Азеры... А ты будто не знаешь? Норка! – забеспокоился Митька. – Ты уж не подседа ли?

– Спокойно! – Она накрыла его руку своей. – Тут дело иное. И не зови меня Норкой, знаешь, я этого не люблю.

– Тогда не темни!

– Мне надо герыча продать. Много, – подавшись ближе к нему через стол, бухнула она.

– Да ты рехнулась? Такими делами теперь занимаешься? – ахнул он. – И это после Женьки?

– Давай-ка выпьем. Не чокаясь. За маму и за Женьку.

– За помин, – поправил Митька.

Они долго молчали. Лера думала о Женьке – маленьком своем братишке, кошмаре своего детства. Ей было пять лет, когда в стареньком домишке на окраине появился мрачный мужик с квадратной мордой и пудовыми кулаками. Лере он казался огромным, хотя на самом деле был просто коренастым и широким в плечах. Мама, пряча глаза, сказала, что это теперь будет Лерин папа. Маленькая Лера же сразу поняла, что мужик в папы никак не годится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.